

© 2007 г. А. В. ЗЕЛЕНИН

КОМПРЕССИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЕ (1919–1939 гг.)

В статье рассматривается три типа компрессивного словообразования в русском языке: аббревиация, универбация, усечения на материале русской эмигрантской прессы (1919–1939 гг.). На фоне аналогичных словообразовательных процессов, происходивших в русском языке в советское время – 20–30-е годы, делаются выводы о динамике, темпах формирования и функционирования данных типов в эмигрантском варианте русского языка. Выявлены типичные зоны и механизмы аббревиации как основного типа компрессивного словообразования в эмигрантской прессе, показана дистрибуция аббревиатур. Универбация и усечения, в отличие от русского материкового языка, оказались неразвиты в эмигрантском узусе ввиду отсутствия «социального заказа».

Социальные, политические, экономические изменения в жизни людей быстрее и непосредственнее всего отражаются на лексике и словообразовании. Лексические инновации могут проявляться либо в бурном заимствовании новых слов, либо в перемещении лексических пластов, классов, групп внутри литературного языка (их пассивизации и активизации), могут происходить сдвиги в значениях, вступают в действие механизмы метафоризации и др. Словообразовательные инновации обычно (но не всегда) не столь заметны и связаны с активизацией словообразовательных типов и моделей, образующих производные слова для номинации новых реалий. Сошлемся на языковую ситуацию XIX в. Это был век чрезвычайно интенсивных лексических заимствований; по подсчетам Ю.С. Сорокина, именно на заимствования падает примерно 1/3 всех лексико-словообразовательных новообразований. Их укоренение или освоение в русском языке сопровождалось семантической аморфностью, диффузностью, размытой семантико-синтаксической валентностью, словообразовательной вариативностью (явным признаком недостаточной степени адаптации иностранного слова в русском языке). Какие же заимствования были характерны для того времени? Основными семантическими группами новой лексики были:

- сфера образования, воспитания, культуры (социальный посыл: мощное развитие учебно-воспитательных и образовательных концепций в XIX в., сначала ориентированных на западные модели, но затем сформировавших свои методы и методики);
- политическая терминология (социальный посыл: изменение классовой структуры общества: смещение на политическую периферию дворянства и появление на политической арене разночинной интеллигенции);
- философская, этическая, эстетическая терминология (социальный посыл: увлечение западной и – меньше – восточной философией, этикой и эстетикой и появление оригинальных русских философско-этических учений, развитие эстетической, художественной, театральной терминологии).

К концу XIX – началу XX в. наступает стабилизация заимствований в семантическом и структурном отношении¹. На первое место выдвигаются словообразовательные механизмы, осваивающие новые лексические элементы в деривационном отношении, т.е.

¹ «Во второй половине (XIX в. – А.З.) века мы наблюдаем процесс нормализации в употреблении заимствованных слов» [Сорокин 1965: 179].

при вхождении их в русские словообразовательно-морфологические парадигмы². Иногда интенсивные лексические и словообразовательные процессы могут накладываться друг на друга, пересекаться, происходить в одно и то же время, как это произошло, например, в (после)революционные годы: бурное пополнение лексикона новыми понятиями, связанными с наименованием реалий нового строя, смещением на лексико-семантическую периферию некоторых тематических групп (термины царской, религиозной, политико-государственной тематики и др.) протекало одновременно с активизацией отдельных словообразовательных моделей.

Изучение словообразовательных процессов, рассмотренных в связи с неязыковыми (социальными) событиями 1917 г., было свойственно уже работам А. Мазона, С.И. Карцевского, А.М. Селищева, Л.П. Якубинского, Г.О. Винокура, Е.Д. Поливанова. В послемарровский период одной из центральных работ, обобщающей словообразовательные тенденции советской эпохи, стала монография [РЯСОС 1968], рассматривающая деривационные процессы в совокупности собственно лингвистических и нелингвистических (социальных, экономических, политических) функций. Функциональное направление в лингвистике, пришедшее в 80-е годы XX в. на смену структурализму, в первую очередь стало развиваться в области изучения грамматики и лексики. В дериватологии функциональный подход был реализован, в частности, в [РГ-1980]. По мнению Е.А. Земской, словообразование, в зависимости от выполняемой функции, может быть дифференцировано как: 1) номинативное; 2) конструктивное; 3) компрессивное; 4) экспрессивное; 5) стилистическое [Земская 1992]. Однако уже в революционную эпоху А.М. Селищев рассматривал суффиксацию имен существительных, по сути, в функциональном аспекте, выделяя эмоциональные, коммуникативные и номинативные суффиксы [Селищев 1928].

Исследователи языка русской эмиграции неоднократно подчеркивали актуальность изучения словообразовательных процессов в речевой практике русскоговорящих за границей: «вопрос о том, как (выделено автором цитаты. – А.З.) функционирует словообразовательный механизм русского языка в иноязычном окружении, представляет значительный интерес» [Земская 2004: 418], также [ЯРЗ 2001: 128; Земская 2002]. Больше повезло эмигрантам третьей и четвертой волн эмиграции; записи их речи позволили выявить функционирование некоторых словообразовательных моделей в устном (некодифицированном) языке [ЯРЗ 2001; Осипова 1999; 2002]. В последние годы предпринимаются активные попытки описания языка русскоязычной прессы ближнего и дальнего Зарубежья [Комарова 2000; Протасова 2000; 2002; Авина 2000; 2003; 2004; Витцлак-Макаревич 2004]. Функциональная точка зрения на словообразование проводится Е.А. Земской и в отношении действия словообразовательных механизмов в (преимущественно) устной речи эмигрантов дальнего Зарубежья. По ее мнению, нужно говорить о двух функциях словообразования, участвующих в производстве дериватов: номинативной и экспрессивной [Земская 2000]. Однако даже и здесь нет согласия в интерпретации словообразовательных процессов: то, что одни считают «разрушением» (дезинтеграцией, пиджинизацией) или, по крайней мере, ослаблением словообразовательных моделей (в частности, в речи последней волны эмиграции) [Осипова 1999; 2002; Polinsky 1996; 1998], другие оценивают противоположным образом – как подтверждение силы русского словообразования, подчиняющего себе иноязычные лексемы и включающего в русские словообразовательные сети [ЯРЗ 2001; Земская 2001; 2002].

Следует согласиться с Е.А. Земской, считающей, что «исследователи языка русских эмигрантов, как правило, не обращают специального внимания на словообразование, рассматривая отдельные производные слова при изучении заимствованной лексики – так называемых слов-гибридов (заимствованная основа + русские аффиксы)» [ЯРЗ

² «В обогащении лексического состава русского литературного языка в эту эпоху (последние десятилетия XIX – начало XX в. – А.З.) главная роль принадлежит словообразованию» [Лексика 1981: 187].

2001: 128]. Исследование же словообразовательных механизмов публицистической сферы языка русского зарубежья в 20–30-е годы XX в. еще, по сути, не начато. Словообразование эмигрантской прессы той поры предстает перед нами как *terra incognita*, о которой мы имеем случайные, фрагментарные и отрывочные сведения. Для первых советских лет, в первую очередь, А. Мазон и А.М. Селищев снабдили нас материалами, показывающими активизацию той или иной словообразовательной модели³. На основании этих данных исследователи могут судить о динамике словообразования в первые революционные и послереволюционные годы. Но в каком темпе словообразовательные процессы проходили в эмигрантской публицистике после того, как сотни тысяч беженцев покинули Россию и начали новую жизнь вдали от Родины? Значит ли это, что словообразовательные процессы в эмигрантской публицистике остановились, «замерли», законсервировались? Если ответить на этот вопрос положительно, то это значит отказаться от функциональной точки зрения на словообразование как на живой процесс, служащий для реализации языковых интенций, это значит признать словообразования неким застывшим монолитом, а не динамической системой. Если ответить на этот вопрос отрицательно, то сразу рождается ряд исследовательских гипотез: какие словообразовательные типы и модели представлены в языке эмигрантских газет? как они коррелируют с аналогичными в советской публицистике? какие модели активизируются, а какие – напротив – не получают развития? можно ли говорить о связи (обусловленности) деривационных механизмов с экстралингвистическими факторами? Рассмотрим теоретические и практические вопросы словообразования на примере некоторых словообразовательных типов, активизировавшихся в послереволюционное время.

КОМПРЕССИВНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Наряду с номинативной функцией словообразования, заключающейся в производстве новых номинативных единиц, важное место в словообразовательном синтезе занимают также конструктивная функция (сжатие словосочетания, пропозициональной структуры до одного слова) и компрессивная (образование лексико-деривационных единиц, более экономных по сравнению с исходным однословным или описательным, многословным прототипом). Аббревиация, универбация и усечение являются, пожалуй, одними из самых ярких и характерных моделей словообразования, демонстрирующих действие компрессивной функции словообразования в русском языке. Аббревиатуры – это языковые элементы особой морфолого-синтаксической структуры, являющиеся продуктом вторичной номинации. Активизация усечений в русском языке XX в. и проникновение их на страницы прессы находится в прямой зависимости от аббревиатурного способа словообразования. Более экономным языковым элементом являются и универбаты (обычно к ним относят дериваты, образованные при помощи суффикса -к(а)); несомненно, универбаты – массовый языковой продукт XX в. Однако какие тенденции в аббревиатурных механизмах, что есть особенного в процессах универбации и усечения в эмигрантской публицистике, насколько эти словообразовательные модели были развиты в сравнении с аналогичными фактами советской прессы – эти вопросы будут центральными в настоящей статье.

АББРЕВИАЦИЯ

Появление аббревиации как нового способа словообразования в русском языке обычно связывают со становлением советской политической системы⁴. Если исходить

³ С.И. Карцевский составляет известное исключение, так как появление новых дериватов по уже существующим моделям (то есть количественный рост) он не считал принципиальным моментом для признания «качественного скачка» в русском языке.

⁴ «Невозможно отрицать качественный скачок в развитии аббревиации, происшедший после 1917 г., не подлежит сомнению связь этого скачка с революцией» [РЯСОС 1968: 74].

из теории языковых антиномий, схематично намеченных в середине – конце 1920-х годов Е.Д. Поливановым и развитых в 1960-е годы М.В. Пановым [РЯСОЛ 1968: 24–28] (1. Антиномия говорящего и слушающего; 2. Антиномия узуса и возможностей языковой системы; 3. Антиномия кода и текста; 4. Антиномия, обусловленная асимметричностью языкового знака; 5. Антиномия двух функций языка – информационной и экспрессивной), то аббревиация ближайшим образом связана с первым и третьим типами антиномий. Аббревиация как новый тип передачи информации основана на изменении привычных кодов коммуникации между говорящим и слушающим; аббревиация также связана с функциональным перераспределением между кодом и текстом (аббревиатура «сжимает» пропозициональное выражение) [Ярмашевич 1990; 1993; 2002].

Если до революции 1917 г. способы сокращения слов находились на языковой периферии, то после социальных потрясений и массовых аббревиатурных процессов этот новый способ деривации явился в каком-то смысле когнитивным «вызовом» как языковой личности, так и всему социуму в целом. В этой связи уместно привести высказывание К. Чуковского, показывающего импульсный, массивный характер появления аббревиатур после революции 1917 г.: «Вот несколько разительных примеров. В России *сберегательные кассы* были учреждены в 1841 году, но лишь после 1917 года, то есть после того, как они просуществовали лет восемьдесят, они, подчиняясь новым темпам общественной жизни, стали именоваться в народе *сберкассами*. Такова же участь *Литературного фонда*, который превратился в *Литфонд*. Литературный фонд был основан А.В. Дружининым в 1859 году, и в дореволюционное время ни у кого не было ни желания, ни надобности называть его сокращенно *Литфонд*. И еще пример такого же запоздалого словесного сплава. Московский Художественный театр лет двадцать был Московским Художественным театром и только в советскую пору сделался для каждого МХАТом. Прежде в домашнем кругу мы для скорости говорили: «Художественный», отбрасывая первое и последнее слово: – Достали билет в Художественный? – В Художественном нынче «Дядя Ваня». Но до МХАТа никто не додумывался. А если бы и додумался, слово это повисло бы в воздухе и не вошло в широкий речевой обиход, так как такое сцепление звуков еще не стало массовой привычкой» [Чуковский 1962: 79]. Распространение и укоренение аббревиации в русском языке, по мнению исследователей, «за короткий срок было бы немыслимо без принятия ее большинством населения» [РЯСОС 1968: 74]. Ср. также суждение очевидца бурных языковых изменений: «Разница между образованиями дореволюционными и современными в широте распространения. В то время как до войны подобные термины были доступны только немногим лицам, после революции они стали всеобщим достоянием» [Баранников 1919: 68]. Целый «веер» оценочных суждений об аббревиации (от ее восторженного восхваления до полного отрицания⁵) содержится в текстах той эпохи⁶.

Типология сложносокращенных слов стала предметом внимания лингвистов сразу же в первые послереволюционные годы, что было обусловлено массовым возникновением таких дериватов в языке. Основная оппозиция в сложносокращенных словах установилась между инициальными и слоговыми аббревиатурами: инициальные сокращения были слишком непривычны структуре русского языка («без заметных словообразовательных прецедентов, без опоры на какие-либо словообразовательные типы»⁷), напротив – слоговая аббревиация «в какой-то мере была приемлема в качестве своеобразного про-

⁵ Как полагали некоторые исследователи, критики аббревиации выдвигали в основном «эстетические» критерии неприемлемости таких новых языковых образований, однако ««эстетическая функция» в суровое революционное время не могла быть определяющей в развитии языка» [РЯСОС 1968: 74].

⁶ Подборка таких высказываний приведена, например, в [РЯСОС 1968: 70–75; Виноградов 1977: 37–45; Lehtikoinen 1990: 102–104].

⁷ [РЯСОС 1968: 75]. Ср. высказывание Д.И. Алексеева, данное им в другой работе: «Инициальные аббревиатуры... воспринимались на первых порах как нечто совершенно необычное в русском языке, новое и странное» [Алексеев 1979: 244–245].

должения русского словосложения» (типа *Святополк, Златоуст, Новгород, пусто-слов*) [Алексеев 1979: 75]. Кратко представим некоторые классификации сложносокращенных слов лингвистами той поры.

Таблица 1

Мазон	Карцевский	Селищев
1. Буквенные (<i>abréviation littérale</i>), напр.: <i>эс-эр</i> (с.-р.), <i>ка-дэ</i> (к.-д.), <i>Буп</i> (Бюро украинской печати)	1. Буквенные, напр.: <i>с.р.</i> (социалист-революционер), <i>н.с.</i> (народный социалист), <i>к.р.</i> (контрреволюционер)	1. Названия по начальным буквам или звукам слов: а) буквенные: <i>МЧК</i> (Московская чрезвычайная комиссия) б) по начальным звукам: <i>ВАПП</i> (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей)
2. Слоговые (<i>abréviation syllabique</i>), напр.: <i>Продамет</i> , <i>Продуголь</i> , <i>комарм</i> (командующий армией), <i>Военмин</i> (военное министерство)	2. Звуковые, напр.: <i>МОНО</i> (Московский отдел народного образования), <i>ГВИУ</i> (Главное военно-инженерное управление), <i>нэп</i> (новая экономическая политика), <i>юк</i> (юный коммунист)	2. Произношение по начальным слогам, напр.: <i>агитпроп</i> (агитационная пропаганда)
3. Смешанные (<i>abréviations mixtes</i>), напр.: <i>Викжедор</i> (Всероссийский исполнительный комитет железных дорог), <i>Цеквод</i> (Центральный комитет союза работников водного хозяйства), <i>Всепрофжель</i> (Всероссийский железнодорожный профессиональный союз агентов технико-распорядительного комитета)	3. Слоговые, напр.: <i>совдеп</i> , <i>совнархоз</i> , <i>внешторг</i> , <i>геништаб</i> , <i>политком</i> (политический комиссар). Сюда же: <i>спец</i> (специалист), <i>экс</i> (экспроприация), <i>зам</i> (заместитель) 4. Смешанные, напр.: <i>Роста</i> (Российское телеграфное агентство), <i>Викжедор</i> = <i>Викжель</i> (Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников), <i>Диск</i> (дом искусств), <i>шкраб</i> (школьный работник) 5. Сложные ⁸ , напр.: <i>Главнефть</i> , <i>Центрокнига</i> , <i>Центробалт</i> (центральная политическая организация Балтийского флота), <i>политбюро</i> , <i>ревтрибунал</i> , <i>Добрармия</i>	3. Слово-словные, напр.: <i>совпредставитель</i> , <i>парторганизация</i>

Источники: [Мазон 1920: 2–12; Карцевский 2000: 247–249; Селищев 1928: 158–164]⁹.

⁸ По мнению Карцевского, этот тип аббревиатур имеет больше всего шансов на распространение, поскольку «мотивированность подобных образований доступна пониманию широких кругов» [Карцевский 2000: 251].

⁹ Обзор работ лингвистов в послереволюционную эпоху дан также в [Lehikoinen 1990: 35–36].

Один из блестящих эмигрантских журналистов и публицистов Н.И. Федоров, эмигрировавший из Советской России в начале 1920-х годов и под конец жизни осевший в Аргентине, в 1952 г. выпустил острую публицистическую книгу «Советизация эмигрантского языка», в которой, среди прочих «уродств» русского языка советского времени, называет и аббревиацию (в его терминологии, сокращения: «совдеп, комсомол, совхоз, компартия, киноактер»), которую большевики довели «до крайности» [Федоров 1952: 7–8]. Насколько обоснованы упреки Федорова «советскому (большевистскому) языку» и как обстояло дело с процессами аббревиации в русском языке зарубежья? Использовали ли эмигранты аббревиатуры и если да, то насколько широко, в каких сферах? Материал для последующих примеров извлечен из эмигрантских газет первой волны (1919–1939 гг.); газеты публиковались в разных странах, придерживались разных (зачастую резко полярных) политических программ. В нашем корпусе аббревиатур, выбранных нами из эмигрантских изданий, мы зафиксировали следующие типы сложносокращенных слов.

1. ИНИЦИАЛЬНЫЕ АББРЕВИАТУРЫ

1. С точечным написанием: *В.Ф.П.* (Всероссийская фашистская партия), *Ч.С.Р.* (Чехословацкая республика), *Р.С.Ф.С.Р.* (Российская Советская Федеративная Социалистическая республика), *Р.Ф.О.* (Русская фашистская организация), *С.М.* (Союз младороссов), *О.Г.П.У.* (Объединенное Государственное Политическое Управление), *Г.К.Т.* (Генеральная конфедерация труда (Мексика)), *М.-Б. ж.д.* (Минско-Белорусская железная дорога), *М.И.Д.* (Министерство иностранных дел), *У.Н.К.* (Союз французских комбатантов¹⁰), *Р.с.-д.р.-п.* (Российская социал-демократическая рабочая партия). Ср. также вариативность, обусловленную включением в аббревиатуру сочинительного союза в исходном термине: *К.И.А.и Ф.* = *К.И.А.Ф.* (Корпус императорских армии и флота), которая может встречаться в одном издании или даже на одной странице. Включение/невключение союза *и* в структуру аббревиатуры – обычно явление фонетического порядка: для устранения скопления консонантов (ср., например, раннее сокращение *РОПиТ*, а также послереволюционные типа *СРиСД* «Совет Рабочих и Солдатских Депутатов»). Скопление же гласных звуков препятствует участию гласного *и* в структуре аббревиатуры, отчего и происходит его элиминация и приспособление сложносокращенного слова к более удобному произношению. Интересно отметить, что в данную группу входят как аббревиатурные образования, возникшие на почве эмигрантского языка, так и советские аббревиатуры.

Уже в сентябре Союз вошел в деловой контакт с *Н.Т.С. Нового поколения*, Общеказахским Объединением и местной организацией *В.Ф.П.* (Родзаевского) (Сигнал. 1938 г. 1 окт. № 40); Председателем Совнаркома *Р.С.Ф.С.Р.* и *С.С.Р.* избран Рыков (Огни. 1924 г. 11 февр. № 6); После молебна все собрались за городом, у начальника вуковарского отдела *К.И.А.Ф.* кап. Воронина на обед (Младоросская искра. 1933 г., 15 авг. № 32) – Ср.: С приветствиями Союзу Младороссов выступали от *К.И.А.и Ф.* полк. Ерофеев (Младоросская искра. 1933 г. 15 авг. № 32).

2. Лексикализованные инициальные аббревиатуры (бесточечные) буквенного типа: *НКВД* (Народный комиссариат внутренних дел), *НСРЖ* (Национальный союз русских женщин), *РООВА* (Русское объединенное Общество взаимопомощи в Америке), *РДО* (Республиканско-демократическое объединение), *РОНД* (Российское освободительное народное движение), *ГССМ* (Главный совет Союза Младороссов), *ОПКСМ* (Отдел подготовки кадров Союза Младороссов), *РКИ* (Рабоче-крестьянская инспекция), *Окдва* (Особая Краснознаменная Дальневосточная Армия), *СРД* (Совет рабочих депутатов), *ВЦСПС* (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов), *РСХД* (Русское студенческое христианское движение). В этой группе находятся как советские аббреви-

¹⁰ Транслитерация франц. аббревиатуры *UNK* – Union Nationale des Combatants.

атуры, так и неизвестные советскому языку, появившиеся в эмигрантском обиходе. Сюда же относятся и транслитерированные акронимы типа *НБС* (англ. *NBC*¹¹), *ПТТ*¹², *СЖТ*¹³, ср. примеры:

- ...с сообщением о своей поездке на Балканы выступил председатель Казачьего Центра *СМ* член *ГССМ* Г.И. Чапчиков (Младоросская искра. 1933 г. 15 нояб. № 34);
Краснота Частей *Окдва* (название раздела в статье. – А.З.) (Голос России. 1931 г. 2 авг. № 1);
На днях этот павильон посетил французский министр *ПТТ*, в последнее время особенно интересующийся телевидением (Возрождение. 1937 г. 20 нояб. № 4107);
Почему *СЖТ* ведет именно теперь такую усиленную агитацию? (Возрождение. 1937 г. 20 нояб. № 4107);
Концерт будет передаваться по всей стране «красной» сетью *НБС* с 10 часов вечера по Восточному времени (в Чикаго с 9 часов) (Рассвет. 1937 г. 11 февр. № 35).

Очень редко используется такой прием ввода аббревиатуры, как сосуществование аналитической номинации с последующей аббревиатурой. Предполагается, что читатель данной газеты уже знаком с неким репертуаром аббревиатур, функционирующих на страницах издания или в пределах данной группы (политической, военной):

В июне 1932 года был образован в нашем Союзе (Младороссов. – А.З.) Отдел Подготовки Кадров (*ОПКСМ*) (Младоросская искра. 1934 г. 1 дек. № 42).

Приведенный список явственно показывает практически равноправное сосуществование в языке эмигрантов инициальных как точечных, так и бесточечных написаний. Подтверждением этого может служить также двоякое (вариативное) написание одних и тех же сложносокращенных слов: *Р.Н.С.У.В.* = *РНСУВ* (Русский Национальный Союз участников войны), *С.С.С.Р.* = *СССР* = *С.С.Р.* (Союз Советских Социалистических республик), *Р.К.П.* = *ВКП* (Российская коммунистическая партия, Всесоюзная коммунистическая партия), *Н.Т.С.* (Национально-трудовой союз) = *НТСНП* (Национально-трудовой союз нового поколения), *Ц.К.* = *ЦК* = *цк* (Центральный комитет), *Р.Ц.С.М.* = *РЦСМ* (Руководящий центр Союза Младороссов), *Г.П.У.* = *ГПУ* (Главное политическое управление), *Р.О.В.С.* = *РОВС* (Русский общевойсковой союз), *к.д.* = *кадет* = *ка-дет*, *ка-дэ* (конституционный демократ), *с.-р.*, *эсер* = *эс-эр*, *эс-ер* (социалист-революционер), *ч.к.* = *Чека* = *чека* = *че-ка* (Чрезвычайная комиссия), *Д.В.* = *ДВ*¹⁴ (Дальний Восток), ср. примеры:

- (1) На собрании председательствовал Председатель Главного Правления *Р.Н.С.У.В.* подполковник А.В. Чернощек (Сигнал. 1939 г. 1 апр. № 52);
(2) Императорский Штандарт как символ монархической сущности *РНСУВ*... (Сигнал. 1939 г. 1 апр. № 52).
- (1) Не прекращаются стачки рабочих и судебные процессы против «контр-революционной» интеллигенции, обычно обвиняемой чаще всего в «шпионаже» против *С.С.С.Р.* (За свободу. 1925 г. 1 янв. № 1 (1405));

¹¹ Транслитерация английской (американской) аббревиатуры *NBC* (National Broadcasting Company), крупнейшей радиовещательной радиоконпании Америки.

¹² Транслитерация франц. аббревиатуры *РТТ* для обозначения Министерства связи Франции (по первым буквам: *Poste. Téléphone. Télégraphe*).

¹³ Транслитерация аббревиатуры *CGT* – *Confédération Générale du Travail* «Всеобщая конфедерация труда».

¹⁴ В советском обиходе чаще пользовались аббревиатурой *ДВР* (< Дальневосточная республика), причем в очень ограниченный промежуток времени (6 апреля 1920 – 15 ноября 1922). Аббревиатуру *ДВ* следует, видимо, признать эмигрантским изобретением, поскольку в советских газетах нам не удалось ее зафиксировать.

- (2) Тиккар совершенно легально с заграничным паспортом уехал из Эстонии в СССР (Сегодня. 1930 г. 10 янв. № 10);
 - (3) Наркомвнутдел заявляет, что прием просьб от живущих в России о разрешении въехать в С.С.Р. их родственникам – прекращается (Огни. 1924 г. 21 янв. № 3).
- (1) Председатель РЦСМ на Чехословакию... (Младоросская искра. 1933 г. 15 нояб. № 34);
 - (2) Лиц, интересующихся младоросским движением, ...просят обращаться письменно к генеральному секретарю представительства Р.Ц.С.М. на Францию (Младоросская искра. 1933 г. 10 июля. № 31).
- (1) Казаки знали давно и были готовы к тому, что за ударами по Р.О.В.С. последуют удары по казачеству (Рус. голос. 1939 г. 2 апр. № 417);
 - (2) ...вольно или невольно играет в руку тех же большевиков, старающихся разрушить так ненавидимый ими РОВС... (Рус. голос. 1939 г. 2 апр. № 417).
- (1) Дело как будто сводится к тому, что от партии к.-д. требуется некое исповедание революционного символа веры... (Руль. 1920 г. 1 дек. № 13);
 - (2) ...кадеты, вплотную переплелись с монархистами и погромщиками (Воля России. 17 сент. 1920 г. № 5);
 - (3) В этом отношении ка-деты все-таки оказались рассудительнее: по крайней мере, мы в печати не встретили никаких соответственных «требований», предъявляемых ими другой стороне (Руль. 1920 г. 1 дек. № 13);
 - (4) Это восстание (во Владивостоке. – А.З.) объединило все партии от левых ка-дэ до большевиков. (Воля России. 1920 г. 14 сент. № 2);
 - (5) В состав дальневосточного правительства входят в настоящее время с.-р. А. Круглов, кадет Виноградов... беспартийный Болдырев, ка-дэ Исакович и др. (Воля России. 1920 г. 19 сент. № 7).

Даже в одном предложении в контактной позиции могут встречаться аббревиатуры точечного и бесточечного типа; очевидно, это связано с разной степенью фонетической адаптации аббревиатур:

Советская каторга под наименованием «Лагерь Особого Назначения О.Г.П.У.» или «УЛО-НОВ» представляет поистине жуткую картину... (Голос России. 1931 г. 2 авг. № 1).

Так, первая аббревиатура предполагает буквенное прочтение, вторая – фонемное: в языковом сознании О.Г.П.У. выбивается из числа обычных слов (между звуками есть минипаузы, что и маркируют точки между буквами), вторая аббревиатура (УЛОН) фонетически больше удовлетворяет критериям обычного слова, что и маркирует отсутствие точек внутри сложносокращенной формы.

Проблематичной для эмигрантов оставалась родовая принадлежность аббревиатуры СССР – была ли она мужского, женского или среднего рода; зачастую решение было связано с эмоциональными факторами – в случае неприятия как большевистского режима, так и – вследствие сего – данной аббревиатуры: «в самой С.С.С.Р.»¹⁵ (За свободу. 1925 г. 1 янв. № 1 (1405)) – «безличное СССР»¹⁶ (Дни. 1925 г. 27 янв. № 675).

Очевидно, для эмигрантов не существовало явного предпочтения ни того, ни другого типа инициального сокращения слов, однако первая группа (точечные написания), ориентированная на аббревиатурную номинацию эмигрантских референтов, все-таки склоняет «чашу аббревиатурных весов» в сторону признания точечных написаний преимущественным типом. Если в русском языке «устранение точечных написаний [...] началось в 1918–1919 гг., а закончилось к началу 30-х годов» [РЯСОС 1968: 77], то для языка

¹⁵ Возможно, отождествление по референту: Россия → СССР.

¹⁶ Средний род призван подчеркнуть временный, преходящий характер как самого денотата, так и его словесного обозначения; таким образом, категория среднего рода в данном случае становилась прагматическим маркером фиктивности и негации референта.

эмигрантов это утверждение неприемлемо. Зияющая пропасть между слоговыми и буквенными аббревиатурами в первые послереволюционные годы стала быстро преодолеваться уже в 20-е годы XX века вместе с утратой точечных написаний, и (под влиянием слоговых и инициально-слоговых сложносокращенных слов) «начинает все более и более активно использоваться как средство собственно словообразовательное» [РЯСОС 1968: 77]. Тем самым происходило приспособление инициальных аббревиатур к системе языка в ее живом функционировании. Действительно, устранение точек внутри сложносокращенного слова – это скорейший путь к превращению данного деривата в лексикализованную форму, лишению ее формальных характеристик неизменяемого слова и проникновению в узуальное употребление. Эмигрантская публицистика не дает такого поступательного развития сложносокращенных слов (от инициального точечного написания → к последующему инициальному бесточечному лексикализованному), свойственного русскому языку этого времени. Напротив, точечные написания аббревиатур поддерживали в языковом сознании эмигрантов условный, искусственный характер номинаций, образованных путем стяжения частей нескольких слов в одно. Лексикализация аббревиатур в эмигрантском узусе происходила гораздо более замедленными темпами, чем в русском языке СССР/России.

С одной стороны, можно говорить о сложении некоторого фонда аббревиатур в эмигрантской прессе, даваемых без пояснения, с другой – встречаются случаи комбинации в структуре лексемы как аббревиатурного, так и лексического (автономного) компонентов:

Уже в сентябре Союз вошел в деловой контакт с *Н.Т.С.* Нового поколения... (Сигнал. 1938 г. 1 окт. № 40);

Трудовым отделом *О.-К. С.-Х.* (общеказачьего сельскохозяйственного) Союза получено от Министерства Путей Сообщения право на 50% скидки при проезде членов союза на сельскохозяйственные работы (Огни. 1924 г. 18 февр. № 7).

Ср. также синонимическое сосуществование в одном ряду языковых феноменов разной степени аббревиации: *С.А.С.Ш.* (Северо-Американские соединенные штаты) = *САШ* (Северо-Американские штаты) = *С.А.С. Штаты* = *С. Штаты* (Соединенные штаты) = *Соед. Штаты*:

(1) ...Соед.[иненные] Штаты... (За свободу. 1925 г. 3 янв. № 2 (1406));

(2) ...президент *С.А.С.Ш.* Рузвельт сделал на тайном заседании сенатской комиссии по обороне заявление, что *С.А.С.Ш.* должны сотрудничать с Англией и Францией... (Рус. голос. 1939 г. 5 февр. № 409);

(3) *С.[оединенные] Штаты* предпочитают выждать дополнительных сведений о характере советско-японского сближения (Последн. новости. 1940 г. 1 янв. № 6853).

Последняя аббревиатура примечательна также тем, что ее аббревиатурные варианты могут соседствовать с графическими усечениями (особенно это касается частотных, употребительных номинаций); таким образом, графические сокращения постоянно «подтачивают» процесс складывания аббревиатур в эмигрантском языке, «отбрасывая» аббревиацию на уровень графики текста и затрудняя оформление ее на словообразовательном уровне.

3. Лексикализованные инициальные аббревиатуры (бесточечные) звукового типа: *нэп* (новая экономическая политика), *ЦИК* = *цик* (Центральный исполнительный комитет), *вуз* (высшее учебное заведение), *УЛОН* = *улон* (Управление лагерей особого назначения), *ЗАГС* (запись актов гражданского состояния), *АРОСК* (Англо-русский объединенный совещательный комитет), *Допр* (Дом предварительного заключения), *ИМКА* (русское прочтение транскрипции английской аббревиатуры *YMCA* – Young Men's Christian Association), *МОПР* (Международное общество помощи революционерам), *НОВ* (Национальная организация витезей), *ТАСС* (Телеграфное агентство Совет-

ского Союза), *ОРЭСО* (Общество русских эмигрантских студенческих организаций). Такого типа аббревиатуры редко встречаются в эмигрантских газетах, представляя в подавляющем большинстве случаев советские номинации. Ср. немногочисленные собственнo эмигрантские аббревиатуры:

Зато всевозможные воспитательные организации: соколы, скауты несколько организаций, разведчики, витязи *НОВ*, витязи *РСХД*, *ИМКА*, добровольцы, мушкетеры и т.д. – все они играют большую роль в «русификации» нашей молодежи. Все эти организации ставят себе задачу воспитать молодежь физически, духовно и национально (Возрождение. 1939 г. 14 июля. № 4192);

Прекращение деятельности *АРОСК* знаменует собой отход английских рабочих от советской власти как насадительницы классовой войны, и отход глубокий и безвозвратный (Возрождение. 1927 г. 4 окт. № 854);

Правлением *ОРЭСО*... постановлен срок намечаемой уже давно конференции (Огни. 1924 г. 25 февр. № 8).

Как видно из приведенного списка, звуковой тип аббревиатур мало распространен в эмигрантской прессе.

Показателем приспособления сложносокращенных слов инициального типа является также парадигматическое изменение их по законам русской морфологической системы (т.е. включение в категории рода, числа, падежа). Морфологические процессы обнаружались в них практически сразу с появлением этого класса слов; многочисленные примеры приведены в [Mazon 1920; Селищев 1928; РЯСОС 1968; Lehtikoinen 1990; Comrie et al. 1996]. Как же происходила адаптация сложносокращенных слов инициального типа в эмигрантских изданиях? Вхождение аббревиатур в систему склоняемых имен существительных в эмигрантской публицистике происходило с большим языковым сопротивлением. С одной стороны, мы видим случаи склонения аббревиатур, например, *Чека*, *нэп*, *вуз*, *цик* по падежам, что есть признание их статуса как обычных слов языка, подчиняющихся морфолого-синтаксическим законам:

ЦК [германской компартии. – А.З.] заявляет, что в Германии вообще не может быть «чеки», так как здесь нет советской власти... (Дни. 1925 г. 31 янв. № 679);

Жданов... руководил на Урале расстрелами спецов, а в Нижнем Новгороде стоял во главе *Чеки*, причем заслужил там репутацию изувера (Возрождение. 1939 г. 7 июля. № 4191);

Ну, и придумали: придумали образовать при *Цике* совещание, в состав которого вошли «герои» Екатеринбургского злодейства Белобородов, Зиновьев, Енукидзе, Коганович, Наумчик, Семашко, Милютин, Полуян и еще полсотни членов *Цика*, – с Калининным во главе (За свободу. 1925 г. 3 янв. № 2 (1406)).

С другой стороны, есть примеры и другого рода – неизменяемости звуковой аббревиатуры, что может свидетельствовать о стремлении включить их в разряд неизменяемых существительных (очевидно, ввиду необычности семантики и структуры):

Меккель остается сидеть, а Лиза, незадолго до того освобожденная из «чека», снова арестовывается, прямо на улице, с заламыванием рук назад, мордобитием и другими прелестями чекистского обращения (Анархич. вестник. 1923 г. № 1);

Самое состояние ГПУ, переделанного из *Чека*, вполне иллюстрирует назначение и роль этих войск. Это янычары диктатуры Коммунистической партии (Голос России. 1931 г. 1 сент. № 2);

Осадить чересчур ретивых агентов *Чека* (Руль. 1920 г. 1 дек. № 13).

Влиянием вышеприведенных звуковых аббревиатур с финальным консонантом можно объяснить и редкие случаи склонения созданных эмигрантами аббревиатур, ср.:

...сольются воедино ручейки дальневосточного Русского фашизма, фашизма подъяремного, Союза младороссов и *РОНД-а*... (Младоросская искра. 1933 г. 15 нояб. № 34).

Попытка морфологической адаптации аббревиатуры СССР по модели имен собственных, обозначающих названия государств на *-ия*, имела словообразовательные прототипы в первые послереволюционные годы, когда возникли такие дериваты, как *Совдения* [Павловская 1967: 16], *Скоропадия*, *Красновия* [Селищев 1928: 194]. Тем не менее, названия СССР-ия, Триэсерия (игровое прочтение аббревиатуры СССР как слова, состоящего количественно из трех звуков-букв «с» и одного звука (одной буквы) «р») следует, видимо, признать «изобретением» эмигрантов, которое долго служило в эмигрантской прессе средством экспрессивно-денотативной (игровой, травестийной) референции.

Игровое прочтение аббревиатуры проявляется и в прочтении РКП по законам «народной фонетики» – *Рыкапы* (вместо нормативного [эркапэ¹⁷]):

Минувший год начался почти сразу драматическим моментом для Р.К.П.: в конце января от нее отпала, наконец, совершенно отгнившая голова ее: умер Ленин, «мозг Рыкапы», ее вдохновитель, ее творец и ее бессменный лекарь (За свободу. 1925 г. 1 янв. № 1 (1405)).

Одним из свидетельств адаптации аббревиатур в узусе является также возможность выступать в качестве производящих слов, то есть служить базой для создания словообразовательных гнезд. Эмигрантская публицистика в этом отношении дает намного более скромные деривативные результаты, чем это было в русском языке этого периода. Ср., в частности, трансплантированные из русского в эмигрантский узус словообразовательные ряды, возникшие в первые послереволюционные годы:

Чека – *чекист* – *чекистка* – *чекистский*:

- (1) Двадцать лет коммунистические пионеры доносят *чекистам* на своих родителей, и тем не менее половина жителей СССР не побоялась заявить на переписи свою верность религии отцов (Возрождение. 1937 г. 20 нояб. № 4107);
- (2) В пределах Советской России *чекистским* ищейкам удалось пронюхать некоторые линии нашего распространения (Рус. правда. 1925 г. июль-авг.);
- (3) ...подчиненный надзору *чекистов* (Возрождение. 1937 г. 20 нояб. № 4107);
- (4) *Чекисты* заливают Россию человеческой кровью... (Возрождение. 1939 г. 14 июля. № 4192);

эсер – *эсеровский* – *эсеровско-большевицкий* [sic]:

- (1) Часто от комсомольцев приходилось слышать, что если придется сдавать позиции, то лучше их сдать монархистам или кадетам, чем меньшевикам и *эсерам* (Голос России. 1932 г. сент.-окт. № 13–14);
- (2) Никакой «традиции» ленинской ведь и нет: была демагогия – сначала противопомещичья, купно *эсеровско-большевицкая*... (За свободу. 1925 г. 4 янв. № 3 (1407));
- (3) ...*левоэсеровские* течения и организации (Анархич. вестник. 1923 г. № 1);

нэп – *нэпман* – *нэпмановский*:

- (1) ...*нэпмановский* «коммунизм» (Анархич. вестник. 1923 г. № 2);
- (2) Против этой открытой буржуазной хозяйственной идеологии *нэпманов* и трестов восстают коммунистические литераторы, а также комиссарская знать, стоящая за ограничение нэпа или даже за его ликвидацию (Анархич. вестник. 1924 г. № 7);

совдеп – *совдепы* – *Совдения* – *совдеповский*:

- (1) ...с нелегкой руки вчерашних слуг «*совдепов*» и новоявленных «спасителей отечества» и «вождей» теперь уже и улица выносит свое мнение и свои суждения. (Рус. голос. 1939 г. 2 апр. № 417);
- (2) ...пак [улучшенного питания. – А.З.] можно получить по свидетельству врача, главным образом после тифа. Но получить его крайне трудно, надо ловить момент, когда в какой лавке есть соответствующий продукт и иметь знакомство или в *совдепе* или в лавке (Воля России. 1920 г. 17 сент. № 5);

¹⁷ Очевидно стремление сблизить звучание (и значение) аббревиатуры с глаголом *рыкать*, существительным *рычание*, обладающими негативной ассоциативно-звуковой фоникой.

- (3) ...в *Совдепии* процветает небывалое в истории России взяточничество... (Руль. 1920 г. 1 дек. № 13);
- (4) В этом галдеже одни по недомыслию, по общей распущенности, другие сознательно, творя волю кушивших их, кричат о том, что подсказывается «совдеповскими» агентами, о том, что составляет одно из очередных заданий по разложению эмиграции, по ослаблению наших сил (Рус. голос. 1939 г. 2 апр. № 417).

II. СМЕШАННЫЕ АББРЕВИАТУРЫ

Смешанные аббревиатуры – это такие сложносокращенные слова, которые сочетают в своей структуре «как инициальные, так и слоговые звенья» [Алексеев 1979: 203]. В нашем корпусе встретился только один пример такого рода: аббревиатура *ИНОГПУ* (Иностранный отдел Главного политического управления); референт был особенно актуален для жизни многих эмигрантов:

Красное «недремлющее око» *ИНОГПУ* тотчас же замечает вновь возникший наш «внутренний фронт», а Коминтерн начинает старательно разжигать наши страсти нащептыванием сплетен, инсинуаций и «легенд» (Сигнал. 1938 г. 1 сент. № 38).

Итак, смешанный тип аббревиатур неактивен в эмигрантской публицистике; единственный пример представляет собой заимствование из русского языка.

III. СЛОГОВЫЕ АББРЕВИАТУРЫ

Этот тип сложносокращенных слов в нашем корпусе многократно превосходит количество инициальных аббревиатур, что может объясняться двумя причинами: 1) структурным составом таких номинаций, более соответствующих русскому языку, чем инициальные аббревиатуры; 2) стилистической функцией – инициальные аббревиатуры более книжные по стилистической окраске, слоговые же аббревиатуры чаще всего располагаются в нейтральном или разговорном регистрах [РЯСОС 1968: 79; СРЯ 1981; Виноградова 1984: 28–29]. Типология слоговых аббревиатур в эмигрантской прессе такова:

• Аббревиатуры из начальных частей слов: *политком* (политический комиссар), *совдеп* (совет депутатов), *рабкор* (рабочий корреспондент), *колхоз* (коллективное хозяйство), *сексот* (секретный сотрудник¹⁸), *фининтерн* (финансовый интернационал), *краском* (красный командир), *военспец* (военный специалист), *селькор* (сельский корреспондент), *губздрав* (губернское здравоохранение), *наркомвнутдел* (народный комиссар внутренних дел), *рабфак* (рабочий факультет), *партком* (партийный комитет), *полпред* (полномочный представитель), *комсомол* (коммунистический союз молодежи), *главк* (главный комитет), *совнарком* (совет народных комиссаров), *Коминтерн* (коммунистический интернационал), *нарком* (народный комиссар), *ревтриб* (революционный трибунал), *завком* (заводской комитет), *исполком* (исполнительный комитет), *комнезам* (укр.: комитет незаможных селян; ср. русский эквивалент: комитет бедноты, или *комбед*), *крайком* (краевой комитет), *крестинтерн* (крестьянский интернационал), *наркомпрос* (народный комиссар просвещения), *наркомфин* (народный комиссар финансов), *профинтерн* (Красный Интернационал профсоюзов), *совнархоз* (совет народного хозяйства), *упродком* (уездный продовольственный комитет). Приведем несколько примеров:

¹⁸ Эта номинация не попала в СУ. Она фиксируется только в позднейших иностранных специальных работах [Росси 1987: 354] с указанием, что это слово используется уже с 1917 г.; ср. также иные словесные аналоги, зафиксированные преимущественно в языке маргинальных групп по крайней мере уже в начале XX в.: «кукушка», *стукач*, *чакма*, *чакар*, *утка*, *крякушник*, *лярва* «доносчик». Впервые обозначение *сексот* появилось в отечественных словарях, изданных в постсоветское время (1990-е годы).

Терроризированный командный состав, боясь ответственности, подчиняется требованиям, военным комиссарам и *политкомам*... (Рус. голос. 1939 г. 12 марта. № 414);

Но связь с деревней ярче всего иллюстрируется на массовом истреблении так наз. «селько-ров» – корреспондентов сов. газет с мест (За свободу. 1925 г. 1 янв. № 1 (1405));

Бывшие городовые, жандармы, а также разные темные личности заседают в так называемых *комнезамах* (Анархич. вест. 1924 г. № 7);

В поездах КВЖД столовые в руках советского агента, в Общество спальных вагонов введены чекисты и *сексоты* (Голос России. 1931 г. 2 авг. № 1);

Спустя два дня арестовали и также посадили «под строгую изоляцию» т. Меккеля, который имел неосторожность послать *ревтриба* к черту (Анархич. вестник. 1923 г. № 1).

Среди приведенного списка сложносокращенных слов, состоящих из частей нескольких лексем, словообразовательная деривация минимальна, что свидетельствует о преобладании чисто номинативного аспекта аббревиации (для новых денотатов); ср., впрочем:

комсомол – *комсомолка* – *комсомольский*:

(1) Отношения между *комсомольцами* и *комсомолками* самые близкие, и *комсомолка*, не отвечающая на притязания *комсомольца*, может навлечь на себя подозрение в буржуазном уклоне (Голос России. 1932 г. июль. № 12);

(2) *Комсомольские* закрытые школы-общежития (Голос России. 1932 г. июль. № 12);

коминтерн – *коминтерновский*:

Бравый *коминтерновский* тактик обсуждает такой вопрос... (Дни. 1925 г. 12 февр. № 689).

Мутационное словообразование, проявляющееся, в частности, в осложнении семантики производного слова некоторым смысловым «приращением», в эмигрантской прессе практически отсутствует, исключения редки и касаются важных для эмигрантов референтов: *полпред* > *полпредство*, *торгпред* > *торгпредство* (мутационный суффикс -ство). Ср.:

...есть в Финляндии и *полпредство* и *торгпредство* (Руль. 1930 г. 20 июня. № 2906).

• Аббревиатуры из начальной части слова с целым словом: *интуризм* (иностраный туризм), *интурист* (иностраный турист), *комсостав* (командный состав), *рабсила* (рабочая сила), *губсуд* (губернский суд), *губфинотдел* (губернский финансовый отдел), *политграмота* (политическая грамота), *комвласть* (коммунистическая власть), *Добрармия* (Добровольческая армия), *эвапункт* (эвакуационный пункт), *компартия* (коммунистическая партия), *профсоюз* (профессиональный союз), *райсовет* (районный совет), *концлагерь* (концентрационный лагерь), *госпромьшленность* (государственная промышленность), *госторговля* (государственная торговля), *Татреспублика* (Татарская республика), *стенгазета* (стенная газета), *комячейка* (коммунистическая ячейка), *партактив* (партийный актив), *промстроительство* (промышленное строительство), *ревтрибунал* (революционный трибунал), *госбанк* (государственный банк), *промбанк* (промышленный банк), *политсостав* (политический состав), *санинструктор* (санитарный инструктор), *сельсовет* (сельский совет), *Дальлес* (Дальневосточный лес), *совшкола* (советская школа), *соваппарат* (советский аппарат), *совконсульство* (советское консульство), *совкооперация* (советская кооперация), *совчиновник* (советский чиновник), *трудоармеец* (человек, исполняющий воинскую повинность в Трудовой Армии¹⁹), *зарплата* (заработная плата), *жилплощадь* (жилая площадь), *совдисциплина* (советская дисциплина), *политизолятор* (политический изолятор), *политбюро* (политическое бюро), *главсахар* (Главное управление сахарной промышленности), *главтабак* (Главное управление табачной промышленности), *ак-театр* (академический театр), *Главнаука* (Главное управление научных, музейных и научно-художественных учреждений), *госки-*

¹⁹ [Протченко 1975: 181; Росси 1987: 412].

но (Государственная контора по производству кинофильмов), *колдоговор* (коллективный договор), *комдеспотия* (коммунистическая деспотия), *коминтеллигенция* (коммунистическая интеллигенция), *комищейка* (коммунистическая ищейка), *профчиновник* (профсоюзный чиновник). Ср. примеры:

[Француз. – А.З.] увидел в самых окрестностях Москвы поразительную картину бедности и дикарства, босоногую толпу, для которой и автомобиль был в диковину, пустую деревенскую лавку, а потом был окружен переводчицами, попал в условия «интуризма»... (Рус. голос. 1939 г. 26 февраля, № 412);

Подкупить начальника *эвапункта* в Тамбове можно было за 100 тысяч рублей (Руль. 1920 г. 1 дек. № 13);

Мы имеем теперь все основания предложить им обратить, наконец, свое благосклонное внимание на количество заключенных в коммунистических тюрьмах, *концлагерях* и застенках (Младоросская искра. 1933 г. 5 янв. № 26);

...кого *комячейка* хочет почему-либо уничтожить, того уничтожает (Дни. 1925 г. 11 февр. № 688);

[Моральный разрыв между высшими штабами и войсками. – А.З.] несомненно был в *Добрармии*, и особенно остро мы чувствуем его теперь, в настоящее время (Сигнал. 1939 г. 1 апр. № 52).

В первые послереволюционные годы вариативность усеченного компонента относительного прилагательного *советский* была все-таки невелика [Павловская 1967: 19; РЯСОС 1968: 75; Lehtikoinen 1990: 95]; в нашем корпусе встретился один случай: *соввласть* – *советвласть*. Ср:

(1) Чека была в России «политической полицией» *соввласти*, предназначенной для борьбы с контрреволюцией (Дни. 1925 г. 31 янв. № 679);

(2) Товарищ И. Карташев впервые вошел в [махновское] движение в ноябре 1920 г., в дни соглашения махновцев с *советвластью*... (Анархич. вестник. 1923 г. № 2).

Как в русском языке советской России существовавшая вариативность быстро была ликвидирована за счет победы варианта *сов-*, так и в эмигрантских газетах усеченный компонент *совет-* следует рассматривать как вариант, не поддержанный эмигрантским узусом.

Образование дериватов при помощи интерфикса *-о-* в русском языке советского периода было гораздо более активным²⁰, чем в русском языке эмигрантов; в нашем материале встретилось два примера, заимствованных из русского языка: *центросоюз* (Центральный союз < Центральный союз потребительских обществ СССР), *центротекстиль* (Центральный текстиль < Центральный комитет профсоюза рабочих текстильной промышленности). Ср.:

Такие большие учреждения, как Центросоюз, Центротекстиль, Высший Совет Народного Хозяйства и различные главки – глав-табак, глав-сахар – получали лучше других (Воля России. 1920 г. 17 сент. № 5).

Интерес представляют окказиональные дериваты, построенные с целью языковой игры. Можно выделить следующие механизмы:

а) принцип антитезы: *профактив* (профессиональный актив) → *профпассив* (профессиональный пассив; правда, пример можно отнести скорее к некодифицированному русскому языку, чем к номинативному словообразованию эмигрантской публицистики).

²⁰ Интерфикс *-о-* в данных образованиях следует, конечно, рассматривать как семантически незначимый, интерфиксальный элемент. Обширный список образований приведен, например, в [Lehtikoinen 1990: 95].

В Москве приспособившиеся спецы – полусерьезно, полуиронически – называют себя «*проф-пассивом*», т.е. людьми, как бы профессионально неспособными и неприспособляемыми к политическому действию (Дни. 1926 г. 19 нояб. № 1163);

б) комбинация компонентов внутри аббревиатуры, логически и семантически слабо сочетающихся друг с другом: *главмилитармышль*, *мыслармия*²¹, *комищейка*, см. примеры:

...совет Северной коммуны принял его [проект Сашки Граммофона. – А.З.] без прений. Немедленно был организован «*Главмилитармышль*», и работа закипела [Н. Рахманов. Милитаризация мысли. – А.З.] (Воля России. 1920 г. 18 сент. № 6);

...под присмотром Вавилы Тяпки и Сашки Граммофон была милитаризована мысль. Мобилизованные ученые, художники, писатели и композиторы составили «*Мыслармию*» [Н. Рахманов. Милитаризация мысли. – А.З.] (Воля России. 1920 г. 18 сент. № 6);

На требовательных мастеров и техников рабочие, наиболее развращенные призраком своей якобы диктатуры, доносят в заводскую комячейку; *комищейки*²² бегут в чеку и неизбежное совершается. Головорубка Дзержинского начинает действовать... (Дни. 1925 г. 3 февр. № 681);

в) окказиональная комбинация компонентов, мотивированных референтами текущей ситуации: *леском* (< лесной комитет; по аналогии с *партком*, *профком*), *нацмальчик(и)* (национальный мальчик/национальные мальчики)²³, ср.:

Мобилизация в деревнях большевикам ничего не дает. Обычно крестьяне аккуратно являются в воинское присутствие, получают оружие и сейчас же убегают и скрываются в лесах – «поступают в *лескомы*», как выражаются повстанцы (Руль. 1920 г. 2 дек. № 14);

«*Нацмальчики*» хорошо формулировали эту характерную черту будущей России: «здоровый национальный эгоизм». Надо полагать, что и в эмиграции наш старинный российский космополитизм выветрился окончательно (Сигнал. 1938 г. 1 сент. № 38).

Наиболее частотными усечениями слов в эмигрантских газетах являлись следующие (по степени убывания):

сов-, *совет-*: совдеп, совдепия, совдисциплина, совшкола, совнарком, совкооперация, соввласть и др.;

ком- (< коммунистический): комсомол, коминтерн, комвласть, компартия, комячейка;

раб-: рабкор, рабфак, рабсила;

глав-: главк, главсахар, главтабак, главнаука;

полит-: политграмота, политсостав, политотдел;

губ-: губздрав, губсуд, губфинотдел;

гос-: госпромышленность, госторговля, госбанк, госкино;

сель-: селькор, сельсовет;

рев-: ревтриб, ревтрибунал;

парт-: партком, партактив;

пол-: полпред, полпредство;

торг-: торгпред, торгпредство;

ком- (< командный): комсостав.

²¹ Использование в фельетоне ментального обозначения *мышль* как объекта воздействия большевистской идеологии весьма примечательно. Это поразительно корреспондирует с одним из ведущих компонентов Словаря «В» (*правмышль* < правильно мыслить, *престумыслие* < преступление в мыслях, *мыслеполис* < полиция мыслей, *старомышльцы* < мыслящие по-старому) в романе Дж. Оруэлла «1984».

²² Игровой эффект рождается благодаря аллитерации: *комьячейка* – *комищейка*.

²³ Семантическая и референциальная мотивировка данного деривата недвусмысленно указывает структуру референта: осуществление **национальной** революции **молодым** поколением (в члены организации (Национально-Трудового Союза Нового поколения – НТСНП) принимали людей, родившихся не ранее 1895 г.). Другие, нейтральные в стилистическом отношении, номинации денотата: *новопоколенцы*, *солидаристы*.

Если сопоставить этот репертуар препозитивных элементов с соответствующим списком в русском языке [Селищев 1928: 160–162; Алексеев 1966: 22; РЯСОС 1968: 71–88; Lehtikoinen 1990: 73–104], то очевидна их и количественная, и тематическая ограниченность в структуре сложносокращенных слов в эмигрантской прессе.

• Аббревиатуры из сочетания начальной части слова с формой косвенного падежа существительного. В нашем корпусе представлено только несколько случаев: *предколхоза* (председатель колхоза), *помкомвзвода* (помощник командира взвода), *райземдел* (районный отдел по земельным делам), *окрземдел* (окружной отдел по земельным делам), *Минземдел* (Министерство по земельным делам), ср.:

Первый прицел всеобщей ненависти – это **большевик** [выделено автором статьи. – А.З.]: чекист, раскулачиватель, активист, *предколхоза*, сексот, и пр., и пр. (Сигнал. 1938 г. 15 сент. № 39);

Но местная ячейка и сельсовет и *Райземотдел* и *Окрземотдел* усмотрели в нем кулака... (Руль. 1930 г. 2 янв. № 2767).

УСЕЧЕНИЯ

Бурное развитие аббревиатурных процессов послужило, по мнению многих исследователей, стимулом для формирования такого деривационного явления, как усечения: «возникновения новых слов путем усечения неаббревиатурных слов по аббревиатурному способу»²⁴. В первые послереволюционные годы возникли, в частности, такие усечения: *зам* (< заместитель), *зав* (< заведующий), *пом* (< помощник), *контра* (< контрреволюция) [Селищев 1928; Шанский 1967: 6; Comrie et al. 1996: 141; Lehtikoinen 1990: 28]. Заметим, что Карцевский относил данные языковые феномены к слоговым аббревиатурам [Карцевский 2000: 248], в [РГ-1980, 1: 256] усечения рассмотрены как разновидность аббревиации. Слова эти, возникнув в языке и став широко употребительными, быстро лексикализировались; ср., например, их фиксацию в СУ:

Спец, *спеца* и (простореч.) *спеца*, м. (нов. разг.). Сокращение слова специалист;
Зам, *зама*, м. Сокращение слова заместитель (нов. канц. и разг.);
Зав, *зава*, м. (нов. канц. арг.). Сокращение слова заведующий;
Пом, *пома*, м. Сокращение слова помощник (нов.). Помощник какого-н.[ибудь] должностного лица.

В эмигрантской публицистике из приведенных выше усечений довольно часто используется только одно – *спец*:

Тяжелое положение заграничных «*спецов*» в СССР [название статьи. – А.З.] (Сегодня. 1930 г. 1 янв. № 1);

...в советской промышленности заняты всего около 1000 заграничных «*спецов*», из которых в одной Москве служат около 200 (Сегодня. 1930 г. 1 янв. № 1);

...те или иные *спецы* считаются ненужными, так как их заменили красные выдвиженцы... (Сегодня. 1930 г. 3 янв. № 3).

ДИСТРИБУЦИЯ АББРЕВИАТУРНЫХ ДЕРИВАТОВ

Если вычленим из списка приведенных аббревиатур только те, которые встречаются в эмигрантских газетах, то их репертуар весьма незначителен. Р. Лехикойнен [Le-

²⁴ См. [РЯСОС 1968: 273], где дано объяснение данному явлению как «не совсем новому для русского языка»; также [РЯСОС 1968: 274, 280]. Этот феномен привлек внимание лингвистов, о нем много писали и пишут как об одном из активных процессов в современном русском языке [Шанский 1968: 288; Алексеев 1979: 10; РРР 1981: 199; Литвиненко 1987, 1988; Немченко 2003]. Кроме указания самого явления, важны также попытки отграничения его от смежных процессов в языке [Брагина 1978; Алексеев 1979; РРР 1981; Сигалов 1986; Осипова 1994; Лазарева 2002].

hikoinen 1990: 27] предлагает такую идеографическую классификацию аббревиатур, возникших в первое десятилетие после революции 1917 г.; последовательность отражает, видимо, по мысли автора, количественные пропорции аббревиатур:

- 1) в области партийного строительства, партийной и политической жизни страны;
- 2) в области государственной администрации, советской промышленности, сельского хозяйства, вооруженных сил;

- 3) в области культурного строительства; в области юстиции; названия общественных организаций и их представителей; слова, связанные с критикой отрицательных явлений в общественно-политической жизни (типа *комчванство*, *профбюрократ*).

Таким образом, можно сделать вывод, что прежние аббревиатурные зоны (военная область, названия предприятий, почтовая служба) явно оказались отодвинутыми в сравнении с номинациями общественно-политической, экономической, культурной жизни. Какие же тематические зоны охватывают эмигрантские аббревиатуры? Приводим их градацию по мере убывания:

- 1) сфера обозначений военных и военизированных организаций: *В.Ф.П.*, *Р.Ф.О.*, *С.М.*, *К.И.А.Ф.* (*К.И.А.и Ф.*), *РОНД*, *ГССМ*, *РНСУВ*, *ОПКСМ*, *НТС*, *НТСНП*, *РОВС*;

- 2) сфера общественных, политических организаций, движений, партий, групп: *РНОВ*²⁵, *НСРЖ*, *ОРЭСО*, *РООВА*, *АРОСК*, *ИМКА*, *НОВ*, *РСХД*;

- 3) политико-географические названия: *Ч.С.Р.*, *Д.В.*, *С.А.С.Ш.*;

- 4) разговорные номинации: *нацмальчики*, *комдеспотия*, *комищейка*, *главмилитар-мысль*, *мыслармия*.

Итак, эмигрантская пресса сохраняет идущую из дореволюционного языка тенденцию номинировать при помощи аббревиатур военно-профессиональные референты; кроме того, на активность военных аббревиатур мог оказать влияние и такой неязыковой, внешний по отношению к процессу аббревиации, факт, как сохранение многих военных объединений Белой армии в зарубежье. В лексиконе военных сохранялись данные аббревиатуры, и таким образом они попадали на страницы изданий, часто финансируемых той или иной политической (военно-политической) группой. Однако обращает на себя внимание также осторожное, робкое появление в эмигрантском дискурсе аббревиатур, связанных с номинациями общественно-политической сферы, а также разговорных дериватов. Любопытна попытка признать и оправдать «законный» характер аббревиации в языке, придать ей социально-языковой статус; ср. характерную цитату, в которой использование аббревиатуры, на наш взгляд, является намеренным – подчеркнуть военизированный («мужской») характер женских добровольных формирований сестер милосердия:

Кто перевязывал ваши раны, зачастую еще под огнем противника? Кто вырывал вас из рук смерти в лазаретах?... Русские женщины, русские девушки – члены *НРСЖ*... (Сигнал. 1939 г. 15 мая. № 55).

С тематической классификацией напрямую связан вопрос о продуктивности аббревиатурных моделей в эмигрантской публицистике. Д.И. Алексеев на большом фактическом материале советских изданий (газеты, словари, партийные, военные документы) пришел к выводу, что в советское время 20-е годы XX века в советском языке господствовала слоговая аббревиация; в 30-е годы происходит усиление инициальных аббревиатур [РЯСОС 1968: 99]²⁶. Покажем соотношение аббревиатурных форм, встретившихся нам в эмигрантских газетах, в количественном и процентном виде:

²⁵ Русская национальная организация витязей.

²⁶ См. также: «Однако несомненное ограничение в создании и использовании слоговых аббревиатур в 30-е и последующие годы наступило» [РЯСОС 1968: 92].

Таблица 2

Тип аббревиатур	Советские аббревиатуры (а также дореволюционные)	Эмигрантские аббревиатуры (а также транслитерированные иноязычные)
1. Инициальные буквенные		
а) с точечным написанием	4 (37,7%)	9 (62,3%)
б) лексикализованные (бесточечные) аббревиатуры	5 (38,4%)	8 (61,6%)
кроме того:		
вариативные формы (точечные и бесточечные) инициальных буквенных аббревиатур	4 (44,4%)	5 (55,6%)
в) инициальные лексикализованные аббревиатуры звукового типа	7 (50%)	7 (50%)
2. Смешанные аббревиатуры	1 (100%)	0
3. Слоговые аббревиатуры		
а) из начальных частей слов	32 (100%)	0
б) из начальной части с целым словом	46 (85,2%)	8 (14,8%)
в) из начальной части с формой косвенного падежа	4 (100%)	0
Усечения	1 (100%)	0
Итого:	104 (74,3%)	36 (26,7%)

Итак, в эмигрантской прессе очевидно значительное преобладание инициальных аббревиатур над слоговыми на протяжении 20–30-х годов; практически все слоговые сложносокращенные слова являются трансплантированными из языка советского времени. Слоговые аббревиатуры (почти) не приживались в языке эмигрантов; единственным исключением являются аббревиатуры, построенные на языковой игре. Аббревиатурное внимание эмигрантов сосредоточено на инициальных обозначениях, причем можно говорить об отсутствии стандартизации (кодификации) точечных и бесточечных буквенных написаний. В русском языке России массовая вариативность разных типов аббревиатур была характерна для 20-х годов, но велась борьба (как на законодательном, так и на научно-образовательном уровне) за их упорядочение, в результате чего в 30-е годы аббревиатурное словообразование стабилизировалось (очень важно на морфемном уровне!) и практически прекратилось словопроизводство индивидуальных аббревиатур (в первую очередь слоговых). В языке эмигрантов можно наблюдать отсутствие кодификационных регламентаций, поэтому вариативность аббревиатурных форм значительно растянута во времени. Очевидно, что даже стремление к кодификации точечных и неточечных аббревиатур было невелико ввиду периферийности данной группы номинаций для языка эмигрантов в целом. Гораздо более широкое использование советских аббревиатур в эмигрантской прессе было вызвано потребностью точнее передать референт чуждой для них действительности; тем самым вместе с чисто номинативной функцией преследовалась и оценочно-модальная цель.

Показательна специфика дистрибуции разного типа аббревиатур в эмигрантских газетах в зависимости от политической позиции издания или даже издателя. Сопоставим несколько газет.

Пример 1. Газету «Голос России» (1936–1938 гг.) в Софии издавал И. Солоневич, который в 1933 г. вместе с братом Борисом и сыном Юрием попал в ГУЛАГ (в Карелии), откуда все трое в 1934 г. бежали в Финляндию и затем перебрались в центральную Европу. Формирование языковой компетенции Солоневича, таким образом, происходило под значительным влиянием русского языка того времени. Можно ли видеть отражение этого в издаваемой им газете, для которой он сам писал много материалов? В материалах этой газеты мы обнаружили:

1. Инициальные аббревиатуры буквенного и звукового типов: *СССР, ЦИК, НЭП, ГПУ, ВКП, Улон, ВУЗ, ДВ*.
2. Аббревиатуры слогового типа: *совнарком, сексот, компартия, коминтерн, краском, комсостав, Госбанк, комячейка, политсостав, санинструктор, сельсовет, Дальлес, комсомол, помкомзвода, совшкола, зарплата, жилплощадь, совдисциплина*.

В проанализированных нами номерах не встретилось ни одного (!) случая точечных аббревиатур. Если принять во внимание наблюдение Д.И. Алексеева, приведенное выше, то можно утверждать, что используемые в «Голосе России» аббревиатуры отражают состояние и динамику аббревиатурных процессов в русском языке этого времени. Зрительная привычка Солоневича к бесточечному написанию аббревиатур, доминирующая в советском дискурсе в 30-е годы, проявилась и в редактируемой им газете. Кроме того, обилие сложносокращенных слов слогового типа, всех без исключения советских по своему происхождению, также служит фактом укорененности данного типа слов в русском языке и свободного воспроизведения их в тексте языковой личностью (в данном случае И. Солоневичем).

Пример 2. Газета «Младоросская искра» (1931–1939 гг.)²⁷ издавалась эмигрантами, покинувшими страну вскоре после революции 1917 г.; следует ожидать, что в их языковом багаже (их языковой компетенции) содержатся те модели аббревиатурных слов, которые были в ходу в до- и первые послереволюционные годы. Действительно, типология аббревиатурных сокращений такова:

1. Инициальные аббревиатуры буквенного типа (точечные написания): *Р.О.В.С., С.М., С.С.С.Р., К.И.А.и Ф., Н.С.Н.П*²⁸; сюда же мы включили графические сокращения (акронимы) по аббревиатурной модели: *Е.И.В.* (< Его Императорское Величество), *и.д.* (< исполняющий должность), *ген. лейт.* = *ген.-лейт.* (< генерал-лейтенант).
2. Инициальные аббревиатуры буквенного типа (бесточечные написания): *РДО, Цик, ГПУ, РОНД, ГССМ, ОПКСМ*.
- 2а. Вариативные написания: *Р.Ц.С.М. = РЦСМ, СМ = С.М.*
3. Аббревиатуры слогового типа: *райсовет, концлагерь, колхоз*.
4. Усечения: *спец.*

В отличие от рассмотренного выше Примера 1, эта эмигрантская газета проявляет намного меньшую степень унифицированности написания аббревиатур: точечные и бесточечные написания фактически равноправны; кроме того, вариативность написания также свидетельствует о колебаниях в орфографии аббревиатур (а значит, и степени их лексикализованности, освоенности массовым языком, узусом). Сложносокращенных слов слогового типа очень немного (ср. их обилие в «Голосе России» Солоневича), и все они – трансплантированные номинации из русского языка того времени; значит, этот тип словообразования не свойствен собственно эмигрантскому узусу. Языковой механизм сложения таких сокращений является, с точки зрения языковой компетенции эмигрантов, ясным и даже словообразовательно прозрачным, но сама модель все-таки непродуктивна в их языковом багаже.

²⁷ Младороссы – члены Младоросской партии, преобразованной из Союза «Молодая Россия» под председательством А.Л. Казем-Бека (учрежденного на «Всеобщем съезде национально мыслящей русской молодежи» в 1923 г. в Мюнхене). Они считали необходимым восстановление в России надклассовой монархии трудящихся и возведение на престол «законного царя из дома Романовых».

²⁸ Национальный союз нового поколения.

Пример 3. Газета «Сигнал» (1937–1940 гг.) – издание монархического толка (с явной симпатией к фашистским идеям), ее редактором был полковник Н.В. Пятницкий; газета служила политическим рупором Русского национального союза участников войны (РУНСВ). Девиз газеты: «Наш идеал – фашистская монархия». Типология аббревиатурных форм в этом издании следующая:

1. Инициальные аббревиатуры буквенного типа (точечные написания): *С.С.А.Ш., С.А.С. Штаты, Н.Т.С., В.Ф.П.*
2. Инициальные аббревиатуры буквенного типа (бесточечные написания): *ИНОГПУ, НКВД, РОВС, СССР, НСРЖ, САШ, НТСНП.*
- 2а. Вариативные написания: *Р.Н.У.С.В. = РНУСВ.*
3. Аббревиатуры слогового типа: *комвласть, нацмальчики, колхоз, сексот, фининтерн, Добрармия.*

Итак, инициальные аббревиатуры буквенные (точечные и бесточечные) находятся в равновесии, сосуществуя друг с другом без конкуренции. Очевидно, это является следствием того, что данное издание, большинство материалов которого было посвящено обозрению военного состояния Красной (Советской) армии и подготовке военного наступления на СССР, ориентировано на военную категорию читателей, в военном же языке бесточечные сокращения более обычны и доминировали еще в предреволюционный период [Mazon 1920; Jakobson 1921; Селищев 1928]. Слоговые написания также нечастотны, представляя языковые трансплантаты из русского языка этого времени. Вместе с тем необходимо отметить и разговорную (ироническую) номинацию, созданную уже в эмигрантском узусе, – окказионализм *нацмальчики*.

Пример 4. Газета «Огни» (1923–1924 гг.), выходившая в Праге и посвященная в основном культурным вопросам (ее издавала эмигрировавшая из России интеллигенция), дает такую типологическую картину аббревиатурных форм:

1. Инициальные аббревиатуры буквенного типа (точечные): *с.-р., С.С.С.Р., Ч.С.Р., Р.С.Ф.С.Р., С.С.Р., О.-К. С.-Х. Союз* (< Общеказачий Сельскохозяйственный).
- 1а. Инициальные аббревиатуры буквенного типа (лексикализованные): *чека, эрдек* (*р.-д.*; революционер-демократ), *эсде* (*с.-д.*; социал-демократ).
2. Инициальные аббревиатуры звукового типа: *нэп, ОРЭСО.*
3. Аббревиатуры слогового типа: *компартия, профсоюз, наркомвнутдел, губфинотдел, совнарком.*

Очевидна зависимость аббревиатур в данной газете от языка русской прессы первых лет революции: обилие точечных написаний; использование трансплантированных слоговых аббревиатур; лексикализованные формы буквенных аббревиатур (*чека, нэп*).

Таким образом, представленный сравнительный анализ четырех эмигрантских изданий красноречиво свидетельствует:

- 1) перераспределение между буквенными и слоговыми аббревиатурами в русском языке в 20–30-е годы (от буквенных → к слоговым) эмигрантским изданиям было несвойственно;
- 2) инициальные аббревиатуры абсолютно преобладают в эмигрантской прессе, выступая более обычным номинативным средством, чем слоговые;
- 3) слоговые аббревиатуры представляют собой чаще всего номинативные элементы, характеризующие советскую действительность и потому несущие яркий прагматический заряд.

УНИВЕРБАЦИЯ

Универбацию (в рамках семантико-синтаксического способа словообразования), несомненно, следует отнести к новейшим продуктивным способам словообразования как разновидности компрессивной дериватологии [Лазарева 2002]. Можно, конечно, ссылаться при изучении данной проблемы на отдельные факты даже древнерусского языка

(*мастерская* < мастерская комната, *рядовой* < рядовой боец; *белка* < белая веверица²⁹ (по цвету шкурки осенью), *копейка* < копейная деньга, *варежки* < варяжские рукавицы, *перчатки* < перстяные (перчатые) рукавицы) [История лексики 1981: 53–54; Азарх 1984: 31, 46, 99, 107] и усматривать в них прототипические модели универбации, однако именно в XX в. сформировались те словообразовательные модели, которые пополнили русский язык сотнями и тысячами производных слов. Впервые термин «семантическая конденсация» использовал А.В. Исаченко [Исаченко 1958]; см. также [Kaliszan 1986; 1989], однако о схожих явлениях, образованных «семантическим сжатием», упоминал чуть раньше В.В. Виноградов [СРЯМ 1952: 55]; см. также [Янко-Триницкая 1964: 18]. В современной русистике используется целый ряд синонимических обозначений для данного словообразовательного феномена: «универбация», «семантическое стяжение», «семантическая конденсация», «семантическая компрессия», «свертывание именованных», которые часто выступают недифференцированно как взаимозаменяемые термины для описания одного и того же явления. В современной лингвистике существует две точки зрения на универбацию: широкая и узкая. Узкое понимание универбации, предложенное М. Докулилом [Dokulil 1962] и кодифицированное в работах А. Едлички, Й. Ружички, В.В. Лопатина, Е.А. Земской, ограничивает использование данного понятия сферой суффиксального словообразования. Широкое понимание универбации, помимо суффиксального стяжения, включает в область рассмотрения также сложные слова (*зерносклад, автомашина, телебашина*), некоторые типы аббревиатур (*нединститут, соцстрах, вуз, дот* «долговременная огневая точка»), эллиптические субстантиваты (*сборная, позывные, выходной*), нульсуффиксальные дериваты (*демисезон, марафон, огнеупор*) [Kaliszan 1986: 17–19].

Мы используем термин «универбация» как обозначение процесса создания суффиксальных существительных, соотносительных со словосочетаниями (такое понимание принято, в частности, в исследовательской группе (под руководством Е.А. Земской) по изучению разговорной речи [PPP 1981: 199]). Универбы (универбаты) в процессе трансформации (свертывания) словосочетания оформляются чаще всего при помощи суффикса *-к(а)*.

Ведущими причинами роста универбатов в русском языке являются: а) общеязыковая тенденция языковой (речевой) экономии (термин О. Есперсена; *economy of speech*), б) частная тенденция сближения книжной и разговорной стихий и проникновения разговорно-просторечных элементов в литературное употребление [Kaliszan 1986: 86–89]. В частности, Ю.С. Сорокин, анализируя лексический состав русского языка 30–90-х годов XIX века и приводя множество примеров отглагольных существительных на *-к(а)* со значением действия, не отмечает случаев трансформации словосочетаний с прилагательным и сложения на его основе однословного деривата с *-к(а)* [Сорокин 1965: 219]. Однако уже с 90-х годов XIX в. – начала XX в. отмечено бурное развитие категории слов на *-к(а)* как «разговорных дублетов атрибутивных и некоторых других типов словосочетаний» [Лексика 1981: 189–191]; см. также [Виноградов 1994: 142–144].

Непосредственные свидетели изменений как в социальной жизни, так и в языковой материи той эпохи А. Мазон, С.И. Карцевский, А.М. Селищев обратили внимание на рост дериватов на *-к(а)*, образованных от словосочетаний, однако отнесли их в класс обычных суффиксальных дериватов, не усматривая специфики их образования. В частности, А. Мазон, одним из первых начавший описание инноваций в русском языке революционной эпохи, просто указал, что «la plupart des innovations de la vie russe ont été notées au jour le jour du suffixe familier *-ка*, dont on connaît la productivité dans la langue populaire» [Mazon 1920: 30]³⁰, т.е. посчитал образование производных на *-к(а)* только стилистическим приемом, характерным для разговорно-просторечного языка. А.М. Селищев так-

²⁹ Веверица (в современной орфографии) – общее название пушных зверьков (белка, горноста́й, собо́ль) в древнерусском языке.

³⁰ «Большая часть нововведений в русской жизни тут же была отмечена разговорным суффиксом *-к(а)*, продуктивность которого в просторечии известна» [Перевод наш. – А.З.].

же обращает внимание на рост таких (компрессивных по своей природе) образований в языке послереволюционного времени, замечая, впрочем, что модель была популярной и раньше, в частности, особенно «в студенческой и близкой к ней среде» [Селищев 1928: 175]. Однако использование универбатов на *-к(а)* было свойственно не только молодежной речи. Уже в 40-е годы XIX в. в петербургском театральном лексиконе бытовали разговорные номинации *Мариинка* (Мариинский оперный театр), *Александринка* (Александринский драматический театр) [Лопатин 1973: 47]. В профессиональном просторечии имело хождение слово *кредитка* «общество взаимного кредита»³¹ (у Чехова), в городском просторечии – презрительно-ироническое *квартишка* «квартильный надзиратель» (у Достоевского). В.А. Гиляровский в цикле репортажных очерков «Москва и москвичи», повествуя о Москве 80–90-х годов XIX в., приводит, в частности: *толкучка* «толкучий рынок», *обжорка* «обжорный ряд (место торговли пищевыми продуктами)», *меблирашки* «меблированные комнаты», *Хитровка* «Хитров рынок». Увеличение разговорных дериватов на *-к(а)* в речи разных социальных групп свидетельствовало об укреплении данной модели словообразования в неcodифицированном языке. Сопоставим списки производных в [Mason 1920; Карцевский 2000; Селищев 1928; Лексика 1981] и эмигрантской прессе, чтобы увидеть, какие семантические типы универбатов на *-к(а)* были популярны в языке той поры и есть ли различия в использовании дериватов на *-к(а)* в эмигрантских текстах и русском послереволюционном языке.

Таблица 3

Дериваты, образованные от топонимов, микротопонимов,
а также от названий заводов, учебных заведений

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика 1981	Эмигрантская пресса
<i>Александринка</i>	нет	<i>Петровка</i> <i>Тимирязевка</i> <i>Свердловка</i> <i>Третьяковка</i> <i>Цинделевка</i>	<i>Александринка</i> <i>Воздвиженка</i> <i>Знаменка</i> <i>Ильинка</i> <i>Мариинка</i> <i>Сретенка</i> <i>Петропавловка</i> <i>Покровка</i> <i>Варварка</i> <i>Владимирка</i>	нет

В русском языке дореволюционной поры образования на *-к(а)* от названий улиц чаще всего возникали в «московском языке», нежели в «петербургском». Ср. характерное признание А.Г. Горнфельда: «*Мариинка* нас возмущает, *Александринка* коробит меньше, к *предварилке* мы привыкли, а московские улицы – *Варварка*, *Ильинка*, *Лубянка* и даже – столь неуважительно – *Покровка*, *Сретенка*, *Воздвиженка* кажутся нам просто незаменимыми. В Москве *Знаменка* и *Владимирка* естественны, но дурным тоном показалось бы нам, если бы так называли в Петербурге *Знаменскую* или *Владимирскую...*» [Горнфельд 1922] (цит. по [Лексика 1981: 190–191]). Эта цитата красноречиво показывает и психолингвистические оценки, прагматические коннотации вокруг разных типов универбатов: более приемлемыми, в частности для Горнфельда, оказываются производные от названий улиц (ввиду частотности их использования в языке), названия же теат-

³¹ Впоследствии универбат приобрел новое значение «кредитный билет», оттеснившее первоначальное.

ров с трудом поддавались такому способу словопроизводства (ввиду некоторой уникальности, «неповседневности» данных денотатов). В эмигрантской прессе нам не удалось обнаружить словообразовательных инноваций на базе иноязычных названий улиц, что объясняется отсутствием мотивирующего комплекса «прилагательное (с названием улицы) + улица». Также нам не встретилось в эмигрантских газетах ни одного производного, образованного от собственного названия театра, учебного заведения, завода. Не отмечают таких разговорных дериватов и авторы монографий [ЯРЗ 2001; РЯЗ 2001]. Можно предположить, что эта словообразовательная модель, конечно, знакомая беженцам первой волны еще по жизни в России, оказалась в иноязычных условиях невосребованной.

Таблица 4

Дериваты с обозначением помещений (отапеллативные производные)

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика 1981	Эмигрантская пресса
<i>теплушка</i>	<i>изобразилка</i> <i>семилетка</i>	<i>дежурка</i> <i>нормалка</i> <i>универсалка</i> <i>читалка</i>	<i>централка</i> <i>одиначка</i> <i>ночлежка</i> <i>раздевалка</i> <i>теплушка</i>	<i>столовка</i>

Этот семантический класс универбатов на -к(а) впоследствии стал очень популярным и продуктивным в разговорном словообразовании. Много производных приводит В.В. Виноградов [Виноградов 1986: 120], и среди них интересный пример из романа П.Д. Боборыкина «Китай-город» (1882 г.), показывающий неузуральный, окказиональный характер таких образований, в частности, в конце XIX в.: «Вы бываете в концертах? – В музыкалке? – Так их зовут? Я не знала. Да, в музыкалке». В эмигрантской прессе мы обнаружили только один разговорный дериват:

По проверочным данным выяснилось, что означенное в очерке «Д. Джона» лицо не состояло в числе деятелей *русской столовки*, а было только ее весьма частым посетителем (Дни. 1926 г. 20 нояб. № 1164).

Авторы монографии [ЯРЗ 2001] не фиксируют таких образований. Следовательно, как записи устной речи, так и газетные материалы позволяют высказать предположение, что модель на -к(а) для номинации помещений, публичных мест (школы, библиотеки) осталась, по-видимому, периферийной, лексически невосребованной в языке эмигрантов первой волны.

Таблица 5

Дериваты, обозначающие общества, организации

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика 1981	Эмигрантская пресса
<i>межрайонка</i> <i>учредилка</i> <i>говорилка</i> <i>потребилка</i>	нет	<i>учредилка</i>	<i>интернационалка</i> <i>потребилка</i> <i>предварилка</i> <i>Путейка</i> <i>учредилка</i>	<i>учредилка</i> <i>чрезвычайка</i> <i>охранка</i>

Этот тип универбатов в эмигрантской прессе представлен производными, уже существовавшими в дореволюционном русском языке. В речи эмигрантов они оставались в употреблении, в то время как в советском дискурсе они перешли в разряд историзмов. Эмигранты же использовали их в номинативной функции, продолжая именовать старыми лексемами новые референты: и *НКВД*, пришедший на смену *ВЧК* (*чрезвычайка*), и новый для эмигрантов орган государственного управления в СССР – *Верховный совет* (*учредилка*; по семантической модели функционального переноса). Иными словами: при смене социальных референтов чуждой им реальности эмигранты не видели необходимости в смене языковых номинаций, на первый план выдвигая функциональный или прежде принятый, но не внешний, социально-прагматический, аспект именования. См. примеры из эмигрантской прессы:

Разогнав 20 лет тому назад учредительное собрание, он [Сталин. – А.З.] при помощи Ежова готовит свою *Учредилку*... (Возрождение. 1937 г. 20 нояб. № 4107);

Вновь назначенный председатель «*Чрезвычайки*» в Петрограде издал прокламацию, в которой, обычным языком рассерженного на врача буйно помешанного, излагает, что «белогвардейцы» и иностранные агенты удваивают свою «террористическую» деятельность... (Призыв. 1919 г. 7 (23.9) окт. № 77);

[Анархисты. – А.З.] были так терроризированы, что избегали встретиться несколько человек в одном месте, боясь как бы Государственное Политическое Управление («коммунистическая» *охранка*) их не заподозрило в устройстве собрания... (Анархич. вестник. 1923 г. № 5–6).

Таблица 6

Дериваты, называющие документы, печатные издания, приказы, распоряжения

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика 1981	Эмигрантская пресса
<i>биржевка</i> <i>летучка</i> (газета) <i>вечерка</i> <i>памятка</i>	нет	<i>агитка</i> <i>ежедневка</i> <i>зачетка</i> <i>стенновка</i> <i>вечерка</i> <i>семинарка</i>	<i>зеленка</i> (карта) <i>вечерка</i> <i>дисциплинарка</i>	<i>тиражка</i> <i>памятка</i>

В эмигрантской прессе данный семантический тип не продуктивен, оба примера являются, очевидно, словами, уже существовавшими до революции.

...стоит только взять за данный день все издаваемые в СССР-ии органы периодической печати, от центрально-правительственных до последней стенгазеты или *тиражки*, и во всех вы найдете статьи не только на одну и ту же тему, но изложенные в одном и том же направлении и даже в одних и тех же выражениях (Голос России. 1933 г. янв.-февр.-март. № 17–18–19);

Большевики же упростили интернационализм до неузнаваемости и ...превратили в какую-то чудовищную смесь коммунистического манифеста с камаринским мужиком («похабный мир») и «солдатской *памяткой*» («держись, пока Либкнехт со своими ребятами не подоспел») (Дни. 1925 г. 28 янв. № 676).

Дериваты, обозначающие названия денег, ценных бумаг

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика 1981	Эмигрантская пресса
<i>керенки</i>	<i>думки</i> <i>керенки</i> <i>двадцатки</i> <i>липовки</i> <i>сороковки</i> <i>ленинки</i> <i>жидки</i> <i>интернационалки</i> <i>вавилонки</i> <i>китайки</i> <i>крылатки</i> <i>фазанки</i> <i>галки</i> <i>врангелевки</i> <i>верхотуровки</i>	<i>керенки</i>	нет	<i>аваловки</i> <i>кредитка</i>

Названия денежных единиц в революционную эпоху представляли одну из самых обширных семантических групп, где осуществлялась универбация; неслучайно Карцевский приводит большой список дериватов [Карцевский 2000: 238]³². Любопытно, что еще в самом начале XX в. таких дериватов в русском языке, очевидно, не было; следовательно, разговорные номинации денег на -к(а) можно считать языковым продуктом второго десятилетия XX в., появившимся накануне и во время Первой мировой войны. Однако очень часто эти производные представляли сиюминутные или кратковременные номинации, быстро сменявшие друг друга вместе с рождением новых денежных знаков. Референты могут оставаться теми же самыми, однако актуальность денотатов для повседневной жизни провоцирует бурное создание разговорных номинаций на -к(а). В эмигрантской прессе этот тип не актуален, так как пребывание за рубежом в странах с денежными единицами, имеющими свои языковые обозначения, не способствовало рождению разговорных номинаций при помощи русских словообразовательных средств.

Возвращающиеся из Прибалтики войска, по-видимому, привезли с собой в большом количестве кредитные знаки, выпущенные Западно-русской армией – так называемые «аваловки» (Призыв. 1919 г. 4 (21.12) дек. № 135);

³² Механизм возникновения таких номинаций задан существовавшими в узусе *екатеринками* (вариант: *катеринками*) и *керенками*. Неофициальное название *екатеринка* было дано в 1910-е годы банкнотам (достоинством в 100 рублей), на которых была изображена Екатерина II (Великая). По этой модели был создан и более поздний дериват *керенка* (1917 г.): купюра достоинством обычно в 20, 40, 250 или 1000 рублей с более детализированными номинациями: *двадцатка*, *сороковка*.

8 марта к гражданке Альманк на Бабыггорском рынке в Москве подошли двое неизвестных и предложили ей купить 70 долларов. Посмотрев одну из *кредиток* и убедившись в ее неподдельности, Альманк отправилась к себе домой и принесла золотые часы с браслетом и золотое кольцо (Возрождение. 1935 г. 14 марта. № 3571).

Таблица 8

Дериваты, обозначающие членов каких-либо групп, организаций

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика 1981	Эмигрантская пресса
нет	нет	нет	<i>медичка</i> <i>бестужевка</i> <i>толстовка</i>	нет

Данные дериваты сформировались в русском языке для обозначения лиц женского пола: *медичка* < *медицинская сестра*, *бестужевка* < (слушательница) *бестужевских курсов*³³, *толстовка* < (последовательница) *толстовского учения*. Развитие данного типа универбатов было связано с ростом роли и участия женщин в общественной жизни российского общества. В эмигрантской прессе нам не встретилось универбатов, обозначающих лиц женского пола.

Таблица 9

Дериваты, обозначающие бытовые денотаты, болезни, артефакты и проч.

Мазон	Карцевский	Селищев	Лексика 1981	Эмигрантская пресса
<i>испанка</i> (болезнь) <i>сороковка</i> (емкость)	<i>моргалки</i> ³⁴ <i>самогонка</i>	<i>буденновка</i> ³⁵ <i>смирновка</i>	<i>нателка</i> <i>казенка</i> (водка) <i>электричка</i> <i>дешевка</i> <i>защитка</i> <i>открытка</i> <i>манлихеровка</i> (винтовка) <i>санитарка</i> (автомобиль)	<i>долларовка</i> <i>рыковка</i>

Языковые образования на *-к(а)* служили для номинации референтов повседневной жизни, эти дериваты быстро входили в узуальное употребление и некоторые даже утрачивали разговорный оттенок. Ср.: «Лет двадцать пять тому назад слово “открытка” ка-

³³ Официальное наименование: Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.).

³⁴ Карцевский не дает значения приводимого слова, однако можно предположить, что он имеет в виду кукол-моргалок – так называли кукол с подвижными глазами; таким образом, словобразовательная мотивация такова: кукла с моргающими глазами > *моргалка*.

³⁵ В современной орфографии с одной «н».

залось мне типичным и препротивным созданием одесского наречия; теперь его употребляют все, и оно действительно потеряло былой привкус пошлой уличной бойкости» [Горнфельд 1922] (цит. по [Лексика 1981: 191]). В дальнейшем в русском языке данный тип получил значительное развитие [РЯСОС 1968; Земская 1992; Осипова 1991; 1994; 2000]. В эмигрантской прессе нам встретился один пример *долларовка* (значение его нам выяснить не удалось; судя по контексту, это связано с областью игр, лотерей), относящийся к эмигрантскому быту, и советизм *рыковка* «название водки крепостью 30 градусов»³⁶:

В первоянварьском розыгрыше «долларовки» выигрыши пали на следующие номера... (За свободу. 1925 г. 3 янв. № 2 (1406));

Каменев о «рыковке» [название заметки. – А.З.] (Дни. 1925 г. 3 февр. № 681).

Авторы монографии [ЯРЗ 2001: 130] также не фиксируют «бытовых» универбатов на *-к(а)* у представителей первой волны эмиграции, приводя единственный пример *непромокашка* «непромокаемый плащ, непромокаемое пальто»: «Одела свою *непромокашку*, которая ей очень понравилась». Можно ли утверждать, что эта запись, сделанная в 90-е годы XX в., отражает инновацию (пример универбации) в языке эмиграции старшего поколения, иными словами, встает вопрос: была ли характерна эта модель для языка эмиграции в 20–30-е годы? Ср. примеры, приведенные в [Ильина 1989] и показывающие бурное развитие семантической модели наименований одежды, словообразовательно оформленных при помощи суффикса *-к(а)*, в русском языке новейшего времени. Не является ли дериват *непромокашка* в речи женщины, из уст которой было записано данное слово, заимствованием из русского языка советского времени последних десятилетий?

Материал публицистики, служащий объектом нашего изучения, разумеется, в гораздо меньшей степени, чем непринужденное речевое общение, предполагает использование универбатов на *-к(а)* (у них яркая разговорная стилистическая маркированность), однако сам факт редкого использования таких дериватов эмигрантами первой волны может свидетельствовать об очень слабой (практически нулевой) распространенности этой словообразовательной модели как в устном, так и письменном языке³⁷ эмиграции той поры. Выскажем предположение, что этот способ семантического сжатия словосочетаний остался в языке эмигрантов первой и второй волн периферийным в словообразовательном отношении и практически неразвитым, в отличие от послереволюционного языка. К аналогичным наблюдениям пришла и Л.М. Грановская: «показателен и процесс отчуждения ряда новообразований, например, на *-к(а)*, осознаваемых как вульгаризмы: *дежурка, читалка, раздевалка, столовка*» [Грановская 1995: 89].

Словообразование, как и лексика, довольно быстро реагирует на «социальный заказ». В советских газетах этот «социальный заказ» очевиден, но каковы особенности компрессивных моделей в эмигрантском узусе, в отрыве от русского языка СССР/России – в этом и заключалась попытка ответа на поставленную в статье проблему. Компрессивное словообразование, представленное аббревиацией и универбацией, – благодатный материал для суждения о качестве и темпах развития новых способов словообразования в русском языке XX в., напрямую мотивированных кардинальными социальными изменениями в жизни страны. Контрастивный анализ советской и эми-

³⁶ От имени А.И. Рыкова; при нем была отменена монополия и снят запрет с ранее введенного «сухого закона».

³⁷ Впрочем, следует сделать существенную оговорку: нами не исследовались словообразовательные механизмы и модели в художественной литературе писателей-эмигрантов; вполне возможно, что в художественных текстах обнаружится еще некоторое количество универбатов, однако, по нашему предположению, это едва ли изменит общую картину функционирования данного словообразовательного типа в эмигрантском узусе, поскольку эмигрантская публицистика быстрее, чем литература, отражала как социальные, так и языковые инновации.

грантской прессы 20–30-х годов XX в. позволил выявить тенденции в функционировании компрессивных способов словообразования, которые мы здесь обобщаем в виде выводов.

1. Среди всех типов аббревиатур – (1) инициальные; (2) смешанные; (3) слоговые – эмигранты предпочитают использование третьего типа как наименее затемняющего смысловую структуру слова. Преобладание инициальных точечных аббревиатур в эмигрантской публицистике сигнализирует об особом (нелексикализованном) статусе таких языковых феноменов и признании их условными, искусственными словами. В этом отличие от русского языка России, быстро осваивавшего и признававшего инициальные аббревиатуры элементом *с л о в а р я*, узуса (отсюда – стремление к бесточечным написаниям). Антиномия говорящего (продуцента) и слушающего (реципиента) в русском кодифицированном языке реализовывалась с явным доминированием *п р о д у ц е н т а* (партийно-государственных органов), внедрявшего в узус (языковое сознание реципиентов) «партийно-производственный воляшок» (О.А. Лаптева), составной и неперменной частью которого была аббревиация.

2. В эмигрантской прессе старые, дореволюционные, и советские аббревиатуры несколько преобладают и над собственно эмигрантскими, и над заимствованными иностранными. Достаточно большое количество советских аббревиатур ставило перед языковой компетенцией многих эмигрантов непростую задачу семантического декодирования. Антиномия кода и текста в эмигрантском кодифицированном языке разрешалась в пользу *т е к с т а*, а именно – стихийно-сознательного стремления индивидов к структурной «прозрачности» сложносокращенных слов.

3. Степень кодификации и унификации аббревиатур в эмигрантской прессе крайне невелика и зачастую была предоставлена в личное распоряжение пишущего, лишённого практических (кодифицирующих) руководств и испытывавшего явные затруднения в практическом (графико-орфографическом) использовании сложносокращенных слов. Партийно-политическая распыленность эмигрантов и отражавших различные доктрины изданий, зачастую конфликтовавших друг с другом, не способствовала стандартизации аббревиатур, а напротив – давала простор групповым, замкнутым сокращениям, понятным в некотором социолекте, но незнакомым или малознакомым в другом.

4. Усечения, используемые в русском официальном языке, были инкорпорированы в эмигрантский кодифицированный язык как советизмы, однако своих «слов-обрубков», судя по нашему корпусу, эмигранты первой волны не создали.

5. Универбаты, имеющие просторечно-фамильярную стилистическую окраску уже в момент своего появления (конец XIX – начало XX в.), не получили развития в эмигрантском узусе, в отличие от их бурного расцвета и роста в разговорно-профессиональной сфере русского языка России 20–30-х годов. Редкие, нечастотные однословные номинации, созданные по типу универбации, в эмигрантском кодифицированном языке скорее всего наследие дореволюционного узуса.

Компрессивное словообразование, как двуликий Янус, обращено как к предметному миру, с которым имеет дело человек, преследующий цель назвать новый референт, так и к ментально-психическому миру людей, экономящих свои речевые усилия и ищущих языковые средства для создания коротких, емких и поначалу экспрессивных номинаций. Русский язык России, быстро усвоив аббревиатурные «ноты», бодро подхватил аббревиатурную «мелодию», а вот эмигрантский «хор» никак не мог разобраться в этой нотной «грамоте», с трудом осваивая (но в процессе освоения также и частично усваивая) навыки аббревиатурного консонантного «пения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авина 2000 – Н.Ю. Авина. Об особенностях русской речи в Литве // ИАН СЛЯ. 2000. № 3.

Авина 2003 – Н.Ю. Авина. К исследованию языка диаспоры: лингвистический аспект (на материале русских Литвы) // Русский язык в научном освещении. М., 2003. № 2 (6).

- Авина 2004 – Н.Ю. Авина. Язык русских в Литве: словообразовательные особенности // Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Helsinki, 2004.
- Азарх 1984 – Ю.С. Азарх. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
- Алексеев 1979 – Д.И. Алексеев. Сокращенные слова в русском языке. Саратов, 1979.
- Баранников 1919 – А.П. Баранников. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы // Уч. зап. Самарского уни-та. Вып. 2. Самара, 1919.
- Брагина 1978 – А.А. Брагина. Русское слово в языках мира. М., 1978.
- Виноградов 1977 – С.И. Виноградов. Дискуссия о языке первых послереволюционных лет // Рр. 1977. № 2.
- Виноградов 1986 – В.В. Виноградов. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 3-е изд., испр. М., 1986.
- Виноградов 1994 – В.В. Виноградов. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / Н.Ю. Шведова (отв. ред.). М., 1994.
- Виноградова 1984 – В.Н. Виноградова. Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.
- Витцлак-Макаревич 2004 – К. Витцлак-Макаревич. Влияние языкового контакта «немецкий–русский» на русский язык в ФРГ (на материале русскоязычных газет и журналов) // Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Helsinki, 2004.
- Горнфельд 1922 – А.Г. Горнфельд. Новые словечки и старые слова. Речь на съезде преподавателей русского языка и словесности в Петербурге 5 сентября 1921 г. Пг., 1922.
- Грановская 1995 – Л.М. Грановская. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995.
- Земская 1992 – Е.А. Земская. Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Земская 2000 – Е.А. Земская. Функции словообразования в языке русского зарубежья // Słotwotwórstwo a inne sposoby nominacji / K. Kleszczowa, L. Selimski (Hrsg.). Katowice, 2000.
- Земская 2001 – Е.А. Земская. Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
- Земская 2002 – Е.А. Земская. Специфика семантики и комбинаторики производства слов-гибридов // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik / S. Mengel (Hrsg.). Münster, 2002.
- Земская 2004 – Е.А. Земская. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. М., 2004.
- Ильина 1989 – И.И. Ильина. Универбаты – названия одежды в русском языке // Функционально-семантический и стилистический аспекты изучения лексики. Куйбышев, 1989.
- Исаченко 1958 – А.В. Исаченко. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков // Slavia. T. XXVII. Ser. 3. 1958.
- История лексики 1981 – История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX вв. М., 1981.
- Карцевский 2000 – С.И. Карцевский. Язык, война и революция // С.И. Карцевский. Из лингвистического наследия / Сост., вступит. ст. и коммент. И.И. Фужерон. М., 2000.
- Комарова 2000 – И. Комарова. Русскоязычная пресса за рубежами России // РЯЗР. 2006. № 2.
- Лазарева 2002 – Ю.А. Лазарева. Усечения в языковой игре // Филологический вестник. Саранск, 2002. Вып. 3.
- Лексика 1981 – Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века / Ф.П. Филин (ред.). М., 1981.
- Литвиненко 1987 – В.И. Литвиненко. Усечение как способ словообразования // Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР. Киев, 1987.
- Литвиненко 1988 – В.И. Литвиненко. Структура и функционирование усеченных слов в современном русском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Киевский гос. пед. ин-т им. А.М. Горького. Киев, 1988.
- Лопатин 1973 – В.В. Лопатин. Рождение слова: неологизмы и окказиональные образования. М., 1973.
- Немченко 2003 – В.Н. Немченко. О понятии усечения основы слова // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Филология. Нижний Новгород, 2003. Вып. 1.
- Осипова 1991 – Л.И. Осипова. Суффиксальные универбы с непредметной семантикой в русском языке // ФН. 1991. № 5.
- Осипова 1994 – Л.И. Осипова. Активные процессы в современном русском словообразовании: (Суффиксальная универбация и усечение). М., 1994.
- Осипова 1999 – М.А. Осипова. К изучению разговорного языка иммигрантов в США: словообразовательный уровень // Slavia. 1999. Roč. 68. Čes. 1.

- Осипова 2000 – М.А. Осипова. Новые слова в русском языке: Суффиксальные универбы женского рода с суффиксом -К-А: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60–90-х годов. М., 2000.
- Осипова 2002 – М.А. Осипова. Разговорный русский язык иммигрантов в США. Лексика и словообразование // Славянская языковая и этноязыковая система в контакте с неславянским окружением / Т.М. Николаева (ред.). М., 2002.
- Павловская 1967 – Л.К. Павловская. Сложносокращенные слова // Рр. 1967. № 6.
- Протасова 2000 – Е.Ю. Протасова. Лексические особенности русскоязычной прессы в Германии // ИАН. СЛЯ. 2000. № 4.
- Протасова 2002 – Е.Ю. Протасова. Язык русской прессы Финляндии // ВЯ. 2000. № 5.
- Протченко 1975 – И.Ф. Протченко. Лексика и словообразование советской эпохи. М., 1975.
- РГ-1980 – Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (ред.): В 2 т. М., 1980.
- Росси 1987 – Ж. Росси. Справочник по ГУЛАГу. Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом. London, 1987.
- РРР 1981 – Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- РЯЗ 2001 – Русский язык зарубежья / Е.В. Красильникова (ред.). М., 2001.
- РЯСОЛ 1968 – Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование / М.В. Панов (ред.). М., 1968.
- РЯСОС 1968 – Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. Социолого-лингвистическое исследование / М.В. Панов (ред.). М., 1968.
- Селищев 1928 – А.М. Селищев. Язык революционной эпохи. М., 1928.
- Сигалов 1986 – П.С. Сигалов. Об усечении вообще и дезинтеграции в частности: Усечение и дезинтеграция // RLing. 1986. V. 10. № 2.
- Сорокин 1965 – Ю.С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965.
- СРЯ 1981 – Современный русский язык / В.А. Белошапкова (ред.). М., 1981.
- СРЯМ 1952 – Современный русский язык. Морфология / В.В. Виноградов (ред.). М., 1952.
- СУ – Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков (ред.). Т. 1–4. М., 1935–1940.
- Федоров 1952 – Н. Федоров. Советизация эмигрантского языка. Буэнос-Айрес, 1952.
- Чуковский 1962 – К.И. Чуковский. Живой как жизнь (Разговор о русском языке). М., 1962.
- Шанский 1967 – Н.М. Шанский. Развитие словообразовательной системы русского языка в советскую эпоху // РЯНШ. № 3.
- Шанский 1968 – Н.М. Шанский. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968.
- Янко-Триницкая 1964 – Н.А. Янко-Триницкая. Процессы включения в лексику и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
- ЯРЗ 2001 – Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты / Е.А. Земская (ред.). М.; Вена, 2001.
- Ярмашевич 1990 – М.А. Ярмашевич. Факторы, влияющие на восприятие и образование аббревиатур. Саратов, 1990.
- Ярмашевич 1993 – М.А. Ярмашевич. Роль экстралингвистических факторов в развитии аббревиации // Актуальные проблемы лексикологии и стилистики. Саратов, 1993.
- Ярмашевич 2002 – М.А. Ярмашевич. Знаковость аббревиатурных единиц // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2002. № 6.
- Comrie et al. 1996 – B. Comrie, G. Stone, M. Polinsky. The Russian language in the twentieth century. Oxford, 1996.
- Dokulil 1962 – M. Dokulil. Tvoření slov v češtině. 1: Teorie odvozování slov. Praha, 1962.
- Jakobson 1921 – R. Jakobson. Vliv revoluce na ruský jazyk. Praha, 1921.
- Kaliszan 1986 – J. Kaliszan. Семантико-конденсационная универбация составных наименований в современном русском языке. Poznań, 1986.
- Kaliszan 1989 – J. Kaliszan. О границах понятия семантической конденсации (на материале русского языка) // Z aktualnych badan polskich nad jezykami i literaturami wschodnioslowianskimi. Warszawa, 1989.
- Lehikoinen 1990 – R. Lehikoinen. Словарь революции – революция в словаре? Аббревиатуры и иноязычная лексика в русском языке первого послереволюционного десятилетия. Диссертация на соискание ученой степени доктора философии. Хельсинки, 1990 (Neuvostoliittotutkimuslaitoksen vuosikirja 32. Helsinki, 1990).
- Mazon 1920 – A. Mazon. Lexique de la guerre et de la revolution en Russie. 1914–1919. Paris, 1920.

- Polinsky 1996 – *M. Polinsky*. American Russian: An endangered language? Manuscript. USC-UCSD. 1996 [<http://ling.ucsd.edu/~polinsky/pubs/american-russian.pdf>].
- Polinsky 1998 – *M.S. Polinsky*. American Russian: a new pidgin // Московский лингвистический журнал. 1998. № 4.

ИСТОЧНИКИ

- Анархич. вестник** – Анархический вестник. Орган объединенной анархистской организации (в США и Германии). Берлин, 1923–1924. № 1–7.
- Возрождение** – Возрождение. Ежедневная (1925–1935) и еженедельная (1936–1940) газета. Орган русской национальной мысли. Основатель, главный редактор П.Б. Струве. Париж (право-монархическая газета).
- Воля России** – Воля России. Ежедневная газета. Прага, 1920–1921. № 1–327 (с 1922 – журнал политики и культуры. 1922–1932) (газета стояла на эсеровской и сменовеховской политических платформах; с 1925 г. усиливается литературно-критическое направление издания).
- Голос России** – Голос России. Орган Дальневосточного отдела РОВС. Редактор М.К. Дяттерихс. Шанхай, 1931–1932 (военно-монархическая газета, близкая к позициям А.И. Деникина).
- Дни** – Дни. Dni: Russische Tageszeitung für Politik, Wirtschaft und Literatur [Русская ежедневная газета по вопросам политики, экономики и литературы]. Ежедневная (с сентября 1928 г. еженедельная) газета. Редактор А.Ф. Керенский. Берлин; Париж, 1923–1928 (газета стояла на эсеровских позициях).
- За свободу** – За свободу! Газета политическая, литературная и общественная. Основана Б. Савинковым. Варшава, 1921–1923, 1924–1925, 1932 (далее газета «Молва») (отражала взгляды белого офицерства; позднее стояла на демократических позициях, была основным источником информации среди русских, живших в Варшаве).
- Младоросская искра** – Младоросская искра. Орган Союза младороссов во Франции. Париж, 1931–1940 (монархическая, профашистская газета, открыто выражавшая сочувствие большевикам).
- Огни** – Огни. Еженедельная газета культуры, науки, искусства и литературы. Прага, 1924 (газета русской художественной и научной интеллигенции).
- Последн. новости** – Последние новости. Ежедневная газета. Париж, 1920–1940 (одна из самых авторитетных эмигрантских газет; отражала кадетские взгляды).
- Призыв** – Призыв. Издание Союза русских писателей и журналистов в Королевстве С.Х.С. [сербов, хорватов, словенцев. – А.З.]. Белград, 1926. № 1–5 (военная и монархическая газета).
- Рассвет** – Рассвет. Ежедневный орган Российских рабочих организаций Соединенных Штатов и Канады. Нью-Йорк, 1924–1940.
- Руль** – Руль. Ежедневная газета. Берлин, 1920–1931 (правокадетская и либерально-интеллигентская газета).
- Рус. голос** – Русский голос. Русская зарубежная общественно-политическая и военная газета. Белград, 1930–1940 (монархическая и военная газета).
- Сегодня** – Сегодня. Независимая демократическая газета. Рига, 1919–1940 (либерально-демократическая газета).
- Сигнал** – Сигнал. Орган Русского национального союза участников войны. Париж, 1937–1939 (монархическая и военная газета).